„Пров 49"

ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ

ИЛИ

ПРЕЛЕСТИ САМОДЕРЖАВІЯ

П. Ѳ. АЛИСОВА

СОДЕРЖАНІЕ: БОГДЫХАНЪ НИКУЛАНГЪ-СЮ. — ЛЮБОВЬ КЪ ЦАРЮ. — ИЛЬЯ ЦІОНЪ. — РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О ПОКУШЕНІИ СОЛОВЬЕВА. — СТЕПАНЪ РАЗИНЪ (стихотвореніе). — ДВА ТЕРРОРА ВЪ РОССІИ. — МОСКОВСКІЙ СБОРНИКЪ ОНАНА БѢДОНОСЦЕВА. — КАРА-НАЦІИ.

Prix 2 fr.

LONDON.

1896.

2941
24

Богдыханъ Никулангъ-сю.

Наши горькія предчувствія сбылись. Трудно было ожидать чего нибудь путнаго отъ чахленькаго отпрыска, вполнѣ выродившагося Александра III. Все кончилось бухарщиной, богдыханщиной.

Изъ дворцоваго желтаго дома, дворцоваго, гнуснаго вертепа можетъ выйти или зловредный сумасшедшій, или очумѣлый злодѣй. 17 Января, въ присутствіи чуть не шестисотъ представителей земли русской, желтый домъ, разбойничій вертепъ признаны разумной дѣйствительностью, а свобода, человѣческія права, человѣческое достоинство, воцарившіяся во всемъ цивилизованномъ мірѣ — безсмысленными мечтаньями. Снова, какъ мечъ Дамоклеса, повисъ надъ нами царь Азіатъ. Снова пойдутъ административныя затерзыванья, усиленныя охраны, висѣлицы, казацкія нагайки, безгласность, произволъ! Въ иной формѣ самодержавіе предстать не можетъ. Самодержавная Россія стала хуже собачьей пещеры: тамъ въ углекисломъ газѣ, стелющемся по дну пещеры, гибнутъ маленькія собаки, а въ нашей всероссійской — одни высокіе люди, а лижущія, съ поджатыми хвостишками, собаченки благоденствуютъ.

Китайская имперія сдавила ногу женщины, и изъ вѣка въ вѣкъ, отъ члена къ члену, сдавилась голова. Недвигающаяся мать породила недвигающуюся расу; се, рабски безсильную, растлѣнную, омертвѣлою, расплюснула на нашихъ глазахъ, полная „безсмысленныхъ мечтаній“ конституціон-

ная Японія; она не побѣдила, а нѣкоторымъ образомъ, расплескала тысячелѣтнюю грязь. Русское самодержавіе, какъ болѣе нелѣпое, свирѣпое, безшабашно нетерпѣливое въ дѣлѣ порабощенія, силилось начать прямо съ головы. Россія спаслась нерадѣніемъ палачей, административною анархіей, близостью Европы, войнами, желѣзными дорогами, телеграфомъ.

Нашъ богдыханъ Никулангъ-сю, сынъ петербургскаго неба и окружныхъ гнилыхъ болотъ, повиновался ключику, которымъ его безцеремонно завели 17-го Января. То иронія исторіи: заведи его сынъ свѣтлаго неба—либералъ, онъ, въ присутствіи представителей, объявилъ бы конституцію. Заведъ его сынъ, заросшаго болотною плѣсенью застѣнка, и онъ объявилъ о продлѣньи застѣнка, пообѣщалъ пятиться по стопамъ папеньки, бить затылкомъ въ китайскую стѣну...

Навѣрно, у многихъ порядочныхъ русскихъ, при созерцаніи шестисотъ пресмыкателей земли русской, въ умѣ назрѣвали слѣдующія тяжелыя мысли: „о, Русь! страна серединная, остановившаяся на перепутьи двухъ дорогъ, нечистою любовью къ азіатчинѣ пламенѣющая и за свою грязную любовь предъ Европой краснѣющая, преодолѣй стыдъ, взгляни на западъ.... Всюду растутъ умъ, сердце, укрѣпляются стремленія къ свободѣ, равенству, обузданью власти правительства, а у тебя, пока, растетъ хвостъ. Коростовымъ хвостомъ пишутся твои адресы, заявленья, моленья. Но помни, что твои превращенья не столь поэтичны, какъ у Овидія. За собачьимъ хвостомъ потихоньку послѣдуетъ голова, а если ты умудришься съ азіатчиной на шеѣ перевалить въ двадцатый вѣкъ, тебя на картахъ отмѣтятъ, какъ страну, населенную уродцами, съ песьими хвостами и головами. Бубущіе Фери причислятъ тебя къ quantité négligeable и подѣлятъ, какъ дикую Африку“.

Всѣ страны „перегнившаго“ запада, съ оружіемъ въ рукахъ, завоевали свободу; ты, страна свѣжепросольная, силишься завоевать взятками: золотыми блюдами, тарелками, солонками, альбомами, иконами, вышитыми полотенцами. Противъ крѣпкихъ полотенецъ мы ничего не имѣемъ, но нужно знать, какъ съ ними поступать; недоразумѣніе съ шеей Павла I указываетъ ясно, что хорошее полотенце вполнѣ можетъ замѣнить плохую веревку.

Представители „гнилыхъ“ націй обращаются къ правительству съ рѣчью, полной гражданскаго мужества. Наши пресмыкатели съ пахабными адресами, съ припаданьями, вылизываньями, мольбами.

Европейскіе представители смотрятъ своимъ правительствамъ прямо въ глаза. Наши своему самодержцу прямо въ ноги. У „сгнившихъ“ націй—пресса, а у насъ—прессъ.

Европейскіе представители правятъ страною, держась мудраго изрѣченья: одинъ умъ хорошъ, а два лучше; а наши, ребячески тѣшатся мыслію, что всѣ россійскіе умы безполезны и скверны, и только одна непроходимая царская глупость полезна и хороша.

Прошла надъ нами безслѣдно кровавая тысячелѣтняя исторія; остались мы самодовольными хвастунами, недоумками, хамоватыми ребятишками, не вышедшими изъ кнута, насъ введутъ въ двадцатый вѣкъ, за ухо, подгоняя розочкой. Мы покажемъ двадцатому вѣку не доблестныя раны, полученныя прямо въ грудь, въ борьбѣ за свободу, но исполосованную спину, щеки, красныя отъ оплеухъ...

Въ Европѣ граждане, а у насъ, пока, на всю Россію только одинъ „Гражданинъ“, газетка чернаго холуя Мещерскаго.

Европейскихъ крестьянъ и рабочихъ правительство кой когда гладитъ по головкѣ, заискивая у нихъ. Нашихъ крестьянъ и рабочихъ правительство часто и крѣпко гладитъ, но, увы, не по головкѣ...

На западѣ съ колоссальными овaціями хоронятъ великихъ писателей, борцовъ за свободу, а у насъ бросаютъ вытерзанные изъ народа милліоны на похороны клейменнаго въ Успенскомъ соборѣ, перваго высочайшаго разбойника, и милліоны на безплодный подкупъ иностранныхъ газетъ, чтобы хоть на часъ превознести нелѣпаго, задичавшаго азіата, ненавидимаго и презираемаго всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Совсѣмъ иначе пошли бы дѣла, если бы хоть одинъ изъ представителей начинивъ нитроглицериномъ икону чудотворца, повергъ ее къ стопамъ самодержца-молокососа: клянусь созвѣздіемъ Геркулеса и Георгіемъ Побѣдоносцемъ, то было бы полное выраженіе безпредѣльныхъ, безконечныхъ чувствъ къ злополучной родинѣ.

II

Мы умиляемся, читая въ „Новомъ Времени“ легенькія письма Суворина, это, воистину, пошлякъ необыкновенный,

вѣтеркомъ подбитый, поразительно самодовольный; изучая его, изучаешь самобытную русскую пошлость, низко подданическій оптимизмъ. Пошляки обыкновенно злятъ, Суворинъ забавляетъ, онъ полнѣйшее отраженіе нашей пошлой, дрянной политической жизни; безсильный, онъ отражаетъ общее, среднее; приподымется жизнь, и тонъ Суворина вздыбрится; обреченный толкаться всю жизнь между веселенькими холуями, онъ, какъ сангвиникъ, порой даже утритуетъ ихъ игривое хамство.

Но иногда, чаще всего въ полнолуніе, у него вырывается, не по „Новому Времени“, вольный кандачекъ, смѣлое словцо, но онъ тутъ же, рядомъ, такъ чмокнетъ ручку, такъ прильнетъ къ плечу начальства, что оно, готовое разсердиться, даже покарать, невольно, смягчается и только милостиво грозитъ пальчикомъ. Ждешь отъ совѣта трехъ каръ и вдругъ рюмка водки.... Его щадятъ отчасти и за легкость стиля, за шаловливость въ убѣжденіяхъ. Никто лучше его не умѣетъ воспѣть августѣйшее путешествіе, высочайшее пребыванье, отбыванье, коронацію. Никто не умѣетъ такъ быстро воспламениться по поводу святотатственныхъ покушеній. Евгеній Марковъ пробовалъ соревноваться, его статьи выходили даже похабнѣе, но ихъ губили фроловская мрачность, тяжесть стиля... Суворину слѣдовало бы брать примѣръ съ своего друга Буренина, которому внутренній тактъ подсказываетъ, какъ можно рѣже вылѣзать въ область политическихъ вопросовъ. Въ своихъ критикахъ, вѣрнѣе передергиваніяхъ, заплевываньяхъ начинающихъ писателей, онъ, до безобразія гадокъ, но не пошлъ; въ своихъ же рѣдкихъ выползаньяхъ въ политическую жизнь, онъ, невыносимо пошлъ. Въ издевкахъ надъ писателями онъ, въ своемъ родѣ, „Климъ бѣшенный хвостъ“ неистово торчащій, гордо помавающій, хлещущій хвостъ; въ подхихиканьяхъ политическаго характера это — хвостишка выпоронной собаченки, спрятанный между ногами.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Суворинъ дерзнулъ разсуждать о политическихъ убійствахъ, получилась окрошка, неудобоваримая даже для жандармскаго желудка. Онъ, балансирующій на одной ножкѣ между дворцовою конюшнею и полицейскимъ участкомъ, вздумалъ рядить о Гармодіусахъ, Брутахъ, Спартакахъ, о Желябовѣ, Перовской. Жалкій сходастъ забылъ, что политическому убійству посвящали цѣлые трактаты величайшіе моралисты и они кончались апологіей политическаго убійства; забылъ, что оно фигурируетъ въ библіи, въ лучезарныхъ образахъ Самсона, Юди-

ѳи, въ миѳологіи, въ образахъ Геркулеса, Тезея, Персея, избивающихъ зловредныхъ чудищъ, что вопросъ о немъ побѣдоносно рѣшенъ колоссальными революціями, тайными обществами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Суворину стоитъ только проѣхать въ Лугано, остановиться въ hôtel du Parc, и его очи узрятъ, прямо противъ отеля, на берегу озера, статую швейцарскаго террориста: Вильгельма Теля; ему поютъ, неумолчно, гимны волны озера, и изъ массивнаго пьедестала бьетъ живительный горный ключъ. Слава нашего вѣка, скульпторъ Велла, былъ растроганъ до слезъ, когда тессинское правительство поручило ему создать этотъ памятникъ цареубійцѣ.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что позорящій насъ Сусанинъ, вполнѣ чуждъ народу, что онъ бюрократическая полицейская фантазія, сфабрикованная въ угоду деспотамъ.

Виноватъ, я забылъ, что Суворину съ братіей скорѣе по плечу, находящіеся въ ѳаворѣ, Вильгельмины Ивановны, но не Вильгельмъ Тель.

За этимъ письмомъ, вскорѣ, послѣдовали письма о любви, нѣсколько припахивающія порченымъ сыромъ. Съ водвореніемъ Николая II, любовь разцвѣла всюду: въ дворцовыхъ лакейскихъ, въ пріемныхъ министровъ, въ чертогахъ тайной полиціи, въ участкахъ, казармахъ, на площадяхъ, улицахъ. Всюду объятія, трели соловья, любовный трепетъ, шопотъ, робкое дыханіе, слезы умиленья, лиризмъ и патетизмъ. Пылкій камердинеръ проглядѣлъ бездѣлицу, а именно: что не смотря на полный разгаръ любви, праведниками набиты тюрьмы Россіи, Польши, Сибири, что тысячи доблестнѣйшихъ героевъ изнываютъ, въ невыразимыхъ мукахъ, тщетно ожидая освобожденья, которое уготовано только покаявшимся т. е. предателямъ. Онъ упустилъ изъ виду, что милліоны были нагло брошены на неслыханно пышныя похороны изверга III и что черная банда очумѣлыхъ воровъ, приготовляется выбросить новые кровавые милліоны на нелѣпый помазокъ въ Успенскомъ соборѣ...

Если сыщется въ Россіи читатель, не знающій какими способами зачастую добываются милліоны, то совѣтую прочесть въ „Новомъ Времени“ (8 Мая 95) Дѣло въ Саратовской судебной палатѣ, объ истязаніяхъ при взысканіи податей. Дѣло возникло при исключительныхъ обстоятельствахъ: крестьянинъ Ахматовъ, послѣ пытокъ, умеръ на четвертый день. Въ продолженіи ужасныхъ четырехъ дней его безпрерывно рвало сукровицей. Изнывая отъ мукъ, онъ кричалъ: „предайте меня смерти, добрые люди!“ Еврейски честный

врачъ, не смотря на запугиванья, интриги, обнаружилъ кровоизліяніе въ мозгъ и кровоподтеки. Исправникъ Ивановъ, его помощникъ урядникъ Кретининъ, почти ежедневно пытая крестьянъ, невольно, переусердствовали, не взяли въ разсчетъ, что ихъ упражняющіяся руки пріобрѣли непозволительную силу... Пытай они въ мѣру, они весело орудовали бы во славу самодержавія, православія и въ настоящую минуту. Губернаторы, въ родѣ Баранова, обыкновенно, такихъ радѣтелей „истинно русскихъ, вполнѣ трезвенныхъ“ представляютъ къ наградамъ, извѣщаютъ объ ихъ восточной, самобытной дѣятельности „Гражданина“, „Московскія вѣдомости“, а тѣ, тотчасъ же пышно воспѣваютъ ихъ, какъ славныхъ охранителей священныхъ завѣтныхъ началъ и принципа 23 Апрѣля 81.

Самобытные подвиги исправниковъ не должны особенно поражать насъ: самодержцы медвѣжьихъ угловъ силились подражать самодержцу всея Россіи, Александру III, но, къ чести ихъ, нужно сказать: не смогли они спуститься до трона. Многіе изъ нихъ чуяли, что стоитъ только засѣчь невинную, слабую дѣвушку, запытать беременную, удавить въ ея утробѣ ребенка, и, тотчасъ же, полетятъ награды пойдутъ повышенья, и въ нѣсколько лѣтъ „настоящій русскій“ очутится сбоку царя, станетъ столпомъ отечества, знали, но не рѣшались... Александръ III зналъ превосходно, что чудовищность преступленія умаливается, если оно свершено многими; ждалъ, ждалъ онъ компаньоновъ, но, увы, не дождался, медвѣжьи углы не откликнулись трону, „далеко синичкѣ до ястреба“.

Остановившійся на полъ пути исправникъ Ивановъ, конечно, попадетъ въ первые ряды царской охраны, хвати онъ, пока некуда, его, вскорѣ, пожаловали бы въ градоначальники въ Варшаву, а затѣмъ, можетъ быть, и въ министры внутреннихъ славныхъ дѣлъ.

Судъ обнаружилъ кой гдѣ еще болѣе лютыя пытки, вполнѣ безнаказанно практиковавшіяся долгіе годы; не останавливаюсь на нихъ, потому что о нихъ достаточно сказали честныя газеты, журналы. Политическихъ жертвъ пытаютъ за идеи, простыхъ людей — за недоимки; замучаютъ до смерти, дѣло, при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ, всплыветъ; не замучаютъ — въ воду канетъ, какъ маленькій, прибрежный камушекъ...

Все въ тѣхъ же беззаботныхъ письмахъ Суворинъ превознесъ подачку въ 50,000, люто гонимой прессѣ. Онъ не захотѣлъ вникнуть, что эти ежегодныя несчастныя 50 ты-

сячъ пожалованы въ странѣ, гдѣ на однихъ заграничныхъ шпіоновъ, провокаторовъ и на подкупъ иностранныхъ газетъ тратятся, ежегодно, милліоны. Съ усѣданьями, причитыванъями, захлестыванъями, Суворинъ заявляетъ, что частичка подачки предназначена также и публицистамъ, что о нихъ, ненавидимыхъ высшими сферами, упоминаетъ циркуляръ, что де публицистъ, если взять его съ одной точки, а затѣмъ, взглянуть на него съ другой, представляетъ собою, если того пожелаетъ снисходительное начальство, въ нѣкоторомъ родѣ, нѣчто; что высказывая умѣренную правду, безъ прямолинейности, ненужной рѣзкости, такъ сказать, съ тихою улыбкою, онъ, не разъ, приносилъ пользу правительственнымъ сферамъ. Читая полный крайняго уничиженія косноязычный, ребяческій лепетъ, невольно, спрашиваешь себя: неужели Суворинъ, знакомый съ Европою не по однѣмъ русскимъ газетамъ, не знаетъ, что публицистъ, честный, безстрашный, одухотворенный талантомъ и послѣднею правдою, представляетъ собою силу силъ, „глаголъ и мечъ своего вѣка“.

Въ Англіи письма Юніуса стоятъ рядомъ съ произведеніями Шекспира. И кто же изъ великихъ писателей не публицистъ, если понимать слово публицистика не въ жалкомъ рутинномъ смыслѣ? Кто же имѣя думы въ головѣ, любовь въ сердцѣ, не обнаруживаетъ ихъ, невольно, въ своихъ произведеніяхъ? Какъ артерія, полная живительной крови, она бьетъ во всѣхъ произведеніяхъ геніальныхъ писателей. Шекспиръ несомнѣнно — публицистъ; умѣло подобранными выдержками изъ его лучшихъ драмъ можно доконать какое угодно правительство; въ нихъ могутъ черпать силы и республиканецъ, и соціалистъ, и анархистъ. Революціонная проповѣдь сверкаетъ адамантами въ рѣчахъ Гамлета, обращенныхъ къ королю, къ матери, могильщикамъ и придворнымъ, въ могучемъ протестѣ Шейлока противъ христіанскаго міра, въ кроваво разрушительныхъ монологахъ Тимона Аѳинскаго, въ молненосныхъ тирадахъ обрѣтшаго разумъ въ безуміи Лира, въ величаво свободныхъ рѣчахъ Брута.

Пламенные публицисты — Байронъ въ Донъ-Жуанѣ, Манфредѣ, Видѣньи суда; Шели — во всѣхъ атеистическихъ, республиканскихъ поэмахъ, одно время запрещенныхъ въ самой Англіи.

Рѣзкіе публицисты: Шиллеръ въ Вильгельмѣ Телѣ, Донъ Карлосѣ, Разбойникахъ, Заговорѣ Фіеско, увѣнчанномъ конвентомъ; Гете — въ Фаустѣ, Эгмонтѣ; Гейне во всѣхъ своихъ дивныхъ созданіяхъ; Викторъ Гюго въ рифмованныхъ

памфлетахъ, Les châtiments, въ романахъ — „Несчастные“ „93 годъ“ и другихъ выдающихся произведеніяхъ; Барбье въ титаническихъ ямбахъ; Жоржъ-Зандъ во всѣхъ своихъ возвышающихъ душу романахъ; Зола во всѣхъ романахъ; Доде во многихъ своихъ романахъ и въ особенности въ Королевѣ Фридерикѣ.

Въ исторіи Франціи, нѣтъ сомнѣнія, публицисты: Рошфоръ, Феликсъ Піа, Поль Курье, Арманъ Карель, Жюль Валесъ и десятокъ другихъ станутъ рядомъ съ величайшими поэтами, публицистами замаскированными.

Пушкинъ—революціонный памфлетистъ въ запрещенныхъ стихотвореніяхъ. Рѣзкіе публицисты: Лермонтовъ въ „Думѣ“, „На смерть Пушкина“; Грибоѣдовъ въ „Горѣ отъ ума“; Гоголь во всѣхъ произведеніяхъ; Толстой во всѣхъ своихъ романахъ. Чистѣйшіе публицисты: Радищевъ, Герценъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и десятокъ другихъ, несомнѣнно, станутъ рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Грибоѣдовымъ, Толстымъ и другими нашими великими поэтами и романистами.

Размѣры статьи не позволили мнѣ войти въ детали, я указалъ только на ослѣпительно блистящія вершины: Гауризанкара, Чимборассо, Эльбруса, Монъ-Блана; но есть много горъ менѣе поражающихъ своими снѣгами, синими ледниками, таинственными безднами, тѣмъ не менѣе очень и очень грандіозныхъ.

Когда въ Россіи рухнетъ пещерное самодержавіе, и съ нимъ вмѣстѣ спадутъ каторжныя кандалы съ прессы, вы увидите, какимъ всемогуществомъ станетъ публицистика, правительство съежится передъ нею, какъ козявочка на булавкѣ; высшія сферы быстро станутъ низшими. Очи прессы перейдя отъ мрака затхлой тюрьмы къ солнечному свѣту, раскроются, какъ очи испуганной орлицы. Перейдя отъ полурѣчи къ рѣчи, отъ сиплаго лепета къ небесному грому, она станетъ властительницею думъ націи, распорядительницею ея судебъ. Нечего и прибавлять, что властителями думъ, двигателями поколѣній могутъ стать только поэты, беллетристы, публицисты, революціонеры... Только мощнымъ пророкамъ, огненнымъ борцамъ, провозвѣстникамъ свободнаго, свѣтлаго будущаго, уготована долгая жизнь, ихъ однихъ будутъ читать милліоны русскихъ, на нихъ однихъ воспитываться грядущія поколѣнія; они одни проникая въ кровь, плоть, будутъ оживать въ свѣтозарныхъ подвигахъ любви, самоотверженія.

III

Первые шаги нашихъ бухарцевъ вполнѣ исчерпываются въ крикахъ: „заточить, повѣсить, запрятать, скрутить, затянуть, отодрать, содрать“. Гатчинецъ отравленъ былъ такъ таинственно умно, что при всемъ колоссальномъ желаніи попытать, затѣмъ, въ потьмахъ повѣсить, увы, было некого. Заточить, благодаря дикимъ провокаторствамъ присяги и вообще разнымъ сыскамъ, удалось очень многихъ; запретить сочтено нужнымъ „Русскую жизнь“ — нашли, что жизнь всѣмъ русскимъ недостаточно запрещена, — пріостановить — „Курскій листокъ“, „Саратовскій дневникъ“. Банда черной руки давно задавила бы всѣ порядочные журналы, газеты, но она какъ то инстинктивно догадывается, что одними „Московскими вѣдомостями“, „Гражданиномъ“, „Русскимъ обозрѣніемъ“ жить не можетъ человѣческое общество, что оно задичало бы, если бы въ него, не стѣсняемые ничѣмъ, эти раки черные впились.

IV

Чего же можно было ожидать отъ сына Александра III и рѣзвой, нелѣпой Маріи? Александръ III взойдя на престолъ, по слизи отъ расплюснутаго отца, началъ не по днямъ, а по часамъ, жирѣть, тупѣть, свирѣпѣть. Онъ прятался, трясся тринадцать лѣтъ.

Рѣзвая мать — Марія — архиничтожество, съ кукушечьей головой, она тратила ежегодно милліоны, облитые горючими, народными слезами, на безумно роскошные туалеты. Вортъ самую крупную дань бралъ съ нея, а затѣмъ, она танцовала, танцовала, танцовала. Не забывайте, что она золотушная дочь знаменитаго анекдотичною глупостью датскаго короля. Данія всегда славилась здоровыми, умными собаками и гнилыми, глупыми королями. Шекспиръ непозволительно сфантазировалъ, зачисливъ умницу Гамлета въ датскіе принцы.

Всякое полнѣйшее ничтожество, всякая дыра представляютъ собою нѣчто болѣе ужасное, опасное, чѣмъ всѣ убійцы, злодѣи, распутники. Въ убійцѣ часто говоритъ острая кровь, могучая страсть; направленный въ хорошую сторону, онъ можетъ стать героемъ добра, самоотверженія — примѣръ нѣ-

которые святые. Бѣшеная распутница Магдалина превращается въ энтузіастку, полную идеальной любви; легенда претендуетъ, что ей первой явился Христосъ, послѣ своего поразительнаго воскресенія. Дыра остается дырою, черезъ нее все проваливается.

Удушеніе Перовской, Геси Гельфманъ съ ея новорожденнымъ, умерщвленіе плетьми Сигиды, мучительная гибель сотенъ женщинъ въ крѣпостяхъ и Сибири дѣйствовали на нее неизмѣримо менѣе, чѣмъ костюмъ, послѣдней моды, прибывшій отъ Ворта. Она ни разу не заступилась даже за женщинъ, за тѣхъ женщинъ, которымъ впослѣдствіи воздвигнетъ нація не монументы, но храмы. Въ дни пытокъ, казней, она крутясь передъ зеркаломъ, примѣривала платья, охорашивала на своей птичьей головкѣ пухъ, сжимала широкій ротъ сердечкомъ, дѣлала на щекахъ ямочки и щебетала по птичьему, безъ умолку.

Будь у нея сердце съ воробьиный клювъ, и тогда она съумѣла бы повліять на психопата Александра III. Никто не можетъ такъ вліять, какъ жена: куртизанамъ данъ день, женѣ даны день и ночь. Она не смягчила ничьей участи, ничего добраго не сдѣлала, потому что ровно ничего собою не представляла; она жила дряблою кожею, пухомъ, примѣриваніемъ безобразно дорогихъ платьевъ, нескончаемыми танцами, легенькими половыми возбужденіями; добро и зло она одинаково встрѣчала съ ямочками на щекахъ.

По разсказамъ людей, ея близко знавшихъ, она съ шаблонною улыбкой, шаловливой рѣзвостью, произносила задолбленныя на извѣстный случай рѣчи, и все скользило съ нея, какъ вода съ кожи жабы. Она смотрѣла въ глаза человѣку, и не бывъ слѣпой, ничего не видѣла. Она слушала, и не бывъ глухой, ничего не слышала. Многіе увѣряютъ, что нелѣпо жадная отъ природы, она развила въ Александрѣ III ненасытность къ взяткамъ и всевозможнымъ поборамъ. „Ils sont si interessants les cadeaux des soslovy".

Ей ни разу не пришло въ голову, что у сословій почти нѣтъ школъ, больницъ, что самое многолюдное изъ нихъ, недавно, пухло отъ голода, питалось древесною корою, золою, листьями, а въ минуты отчаянія—тряпками; топило въ стужу черныя, пустыя хаты соломою, стащенною съ крышъ, что это сословіе, благодаря безумiямъ, кровавымъ оргіямъ самодержавія, считаетъ чистый хлѣбъ несбыточнымъ счастіемъ и пробуетъ его только въ очень урожайные годы.

Самъ Данте не охватилъ бы зла, хлещущаго на насъ изъ подобныхъ проклятыхъ дыръ.

Какъ всѣ вырождающіеся, Николай, по праву рожденія, обреченъ былъ на полную душевную немощь. Каждый придворный кружокъ въ самодержавную пустоту старался вдвинуть свой валикъ и подобрать ключъ. Чудовищное воспитаніе, онанизмъ убивали, постепенно, слабо вспыхивающіе по временамъ зародыши разума, воли. Къ двадцати годамъ душа опустошилась, разумъ, воля стали почти неуловимы, но и это, еле уловимое, въ конецъ уничтожилъ японскій полицейскій, ловкимъ, звонкимъ ударомъ, по звонкому черепу. Газеты заявили, съ обычною виртуозностью, что наслѣдникъ получивъ ударъ, началъ величественно, тихо, съ доброю улыбкою, какъ бы благосклонно, отбывать въ ближайшее питейное заведеніе, а святотатственный полицейскій, обезумѣвъ отъ страха, лупилъ за нимъ во всѣ лопатки, съ яростно поднятою саблею. Присутствующіе японцы были безпредѣльно поражены крѣпостью черепа наслѣдника славнаго, могущественнаго престола. И этотъ органчикъ, съ двумя, тремя дребезжащими пѣсенками, заводимый дворцовыми Фроловыми, осмѣлился объявить себя самодержцемъ!

Полюбуйтесь, какъ на нашихъ глазахъ вырождаются самодержцы, не говорю умственно и нравственно—это немыслимо по той простой причинѣ, что нравственныя и умственныя стороны у нихъ, вполнѣ, отсутствовали,—но физически.

Николай I былъ чуть не трехъаршинный „лоботрясъ“, чугунно твердый, ядреный; наружностью онъ былъ прообразъ прусскаго штыкъ-юнкера. Сознавая свое лютое невѣжество, исключительную глупость, онъ придумалъ наводить спасительный страхъ на своихъ низкоподданныхъ выпучиваніемъ глазъ, на манеръ разъяреннаго быка, и громоноснымъ рявканьемъ; какъ быкъ, онъ не выносилъ красный цвѣтъ. Не хвати онъ, ярый защитникъ священнаго, семейнаго очага, на 59-мъ году сифилисъ, не увѣнчайся короной Veneris и, затѣмъ, не отравись, онъ на горе, позоръ Россіи, дотянулъ бы лѣтъ до семидесяти. Что злостный сифилисъ всепобѣдно царитъ въ семьѣ Романовыхъ удивляться нечего: всѣмъ извѣстно, что своеобразныя невинности, прежде чѣмъ дойти до августѣйше высочайшихъ особъ, проходятъ черезъ сотню простыхъ и высокопоставленныхъ лакеевъ.

Александръ II въ тѣлосложеніи, ростѣ пошелъ быстро на убыль; рыхлый, слезоточивый въ молодости, онъ къ пятидесяти годамъ представлялъ собою студень изъ поросячьихъ ножекъ, выставленный на солнце, тающій, дрожащій, воняющій. Не расплюсни его бомба 1-го Марта, онъ, по увѣренію покойнаго Боткина, никогда не дожилъ бы до шестиде-

сяти пяти лѣтъ. Наружностью былъ шаблонный прусскій фельдфебель; рявкалъ частенько, но не внушительно.

Александръ III началъ лысѣть, распухать чуть не съ двадцати лѣтъ.... При восшествіи—правильнѣе нисшествіи, на престолъ, представлялъ собою на коротенькихъ ногахъ, колоссальную, свинную тушу, сильно подпорченную трихиной. Жена Владиміра — сама свинство, но въ другомъ родѣ, —называла его: „десять пудовъ высочайшаго сала". Не ускори фосфоръ законовъ природы, онъ, по упорному увѣренію благочестиваго Захарина, не дотянулъ бы до пятидесяти двухъ, трехъ лѣтъ. Рявкать, увы, былъ не въ силахъ, глухо мычалъ, а чаще всего мяукалъ.

Николай II, какъ извѣстно всѣмъ, имѣвшимъ несчастіе его видѣть 17 Января,—холерная запятая; если онъ капельку подростетъ и пополнѣетъ, онъ, можетъ быть, станетъ холерною точкою, дальнѣйшее улучшеніе не мыслимо. Настоящаго его голоса послѣ его нисшествія на престолъ, еще никто не слыхалъ. По слухамъ, его въ восемъ часовъ утра заводитъ, на цѣлый день, по буднямъ, шефъ дворцовыхъ шпіоновъ, а по праздникамъ, для возбужденія молитвенности, Побѣдоносцевъ. Ночью его старается завести жена, но вслѣдствіи неопытности (чисто государственной) ей это не всегда удается: начнетъ поворачивать ключъ, и вдругъ... стопъ.

По слухамъ, Лябуска умѣла не только превосходно танцовать, но и играть на разбитомъ органчикѣ: „Боже царя храни на страхъ врагамъ"... выходило не совсѣмъ чисто, но за то Комаринская — безукоризненно. Видимо, всѣ Романовы—лѣвши, иначе чѣмъ объяснить, что женщины слѣва всегда побѣждаютъ, стоящихъ справа.

Китъ Китычъ I давилъ Россію тридцать лѣтъ. Китъ Китычъ II душилъ Россію двадцать шесть лѣтъ. Китъ Китычъ III вѣшалъ Россію тринадцать лѣтъ. Нынѣшній плюгавенькій, судя по тому, что подготовляется въ Россіи, врядъ ли провситъ камнемъ на нашей шеѣ до конца вѣка.

Настоящія характеристики Александра I, Николая I, Александра II начинаютъ появляться не такъ давно въ журналахъ, мемуарахъ, запискахъ, издаваемыхъ у насъ и заграницей. Не смотря на то, что исторія только что начинается, она наводитъ остолбенѣніе. Лакейскія апологіи, циркулирующія среди наивной, крайне хамоватой публики, фабрикуются незатѣйливымъ образомъ: неглупый министръ (какъ ни странно, но и такіе, изрѣдка, попадались) недишенный окончательно самолюбія, приближенный генералъ, сохранившій чудомъ крохи стыда, придворный, не желая показать,

что они отвратительно пресмыкаются передъ феноменальною дрянью, ничтожествомъ, начинаютъ придумывать наидиннѣйшія бесѣды съ самодержцами, подъ конецъ они завираются до такой степени, что искренно принимаютъ собственныя, связныя рѣчи за монаршьи. Если царю разъ, въ нѣсколько лѣтъ, приходится обратиться къ сословіямъ съ краткою, но выразительною рѣчью, его выучиваетъ, существующій спеціально для подобныхъ рѣчей, придворный. Со времени Екатерины ни одинъ царь самъ не составлялъ писемъ, на то есть дворцовые писаки, съ подходящими талантами: одинъ катаетъ благосклонныя посланія, другой грозныя, фрапирующія. Держутся также субъекты, умѣющіе превосходно поддѣлывать руку монарха; при частыхъ денежныхъ затрудненіяхъ въ придворныхъ сферахъ эта невинная талантливость пускается самыми приближенными кой когда въ ходъ...

Не стану оспаривать, что фразы „хвалю“, „благодарю“, „пью здоровье моихъ молодцевъ“ (такого-то полка), „въ 24 часа исполнить и доложить“, „головой отвѣчаешь“, „весьма утѣшительно“, „весьма желательно“ дѣйствительно созданы тѣмъ или другимъ самодержцемъ. Но разъ фразы начинаютъ выходить изъ трехъ, четырехъ словъ, терять штыкъюнкерскую находчивость, фельдфебельскую остроту ума, жандармскую краткость и пахучесть, сомнѣнія являются сами собою.

Говоря о царяхъ, мы всегда забываемъ дворцовую обстановку, этикетъ, дворцовые пріемы, разговоры, воспитаніе, словомъ всю дворцовую лабораторію. Мы, до нашихъ дней, къ стыду нашему, мѣряемъ монарховъ на человѣческій аршинъ, забывая ту аксіому, что монархи вовсе не люди, а единственнѣйшія въ своемъ родѣ нравственныя и умственныя чудовища. Они—тягучее тѣсто, изъ котораго вылѣпливаютъ разныя безобразныя фигурки приближенные къ нимъ воровскія банды.

Какъ же не быть имъ чудищами, разъ они созданы рабствомъ, невѣжествомъ, тьмою, глупостью и ими одними только поддерживаются? Если-бы придворные, съ пеленокъ, не сводили ихъ постепенно съума, то развѣ кто нибудь изъ нихъ рѣшился бы быть самодержцемъ?!

Іюль 1895.

Любовь къ царю.

Долго пустозвонили славянофилы, увѣряя простоватую публику, что православіе и царь — идеи, присущія русскому народу. Прислушиваясь къ дикому галдѣнью народныхъ массъ, одинаково оглушительному и при въѣздѣ царя, и въѣздѣ шаха, они утверждали, что то обожаніе царя; они забыли, что нѣкогда хамофилы Франціи и Англіи твердили, что ихъ короли—строго національное начало,—что не помѣшало въ одинъ очаровательный день Карлу I и Людовику XVI стать прекраснымъ началомъ плахи и гильотины.

Во второй половинѣ XIX вѣка хамофилы мечтали смастерить земскій соборъ, въ нѣкоторомъ родѣ ласковое теле, сосущее двухъ матокъ, соборъ, говорящій царю правду съ улыбочкой, реверансами, но силы водворить правду законодательнымъ путемъ не имѣющій; предполагалась, неснившаяся другимъ націямъ, овечья идиллія: стадо жирненькихъ, курчавенькихъ барашковъ и пастырь добрый впереди, не съ кнутикомъ, но съ пастушескою свирѣлью, ведущій на луга обѣтованные. Мысль не допускалась, что въ числѣ выборныхъ могли сыскаться люди, могущіе руководиться не хамофильской логикой, молчалинской угодливостью, но собственнымъ достоинствомъ, способные заявить открыто: „Почему мы, выборные русской земли, знающіе ея нужды,

библиот... академии

владѣющіе ея довѣріемъ, должны рабски подло склонять передъ какимъ то „съумѣвшимъ родиться“ архиничтожествомъ, изуродованнымъ нравственно и умственно нечеловѣческимъ, дворцовымъ воспитаніемъ; почему не одинъ долженъ повиноваться всѣмъ, а всѣ одному? Неужели вся самобытность наша исчерпывается татарщиной, душевнымъ рабствомъ, дряблой низостью? Если такъ, то пусть будетъ милліонъ разъ проклята наша самобытность! Кто гарантируетъ, что шайка куртизановъ, съ ихъ черною неправдою не перевѣсятъ нашу свѣтлую правду, и въ одинъ скверный день царь скажетъ: „кроткіе представители, вы жестоко надоѣли мнѣ вашей озаренной улыбочкой правдою, вы препятствуете моему ндраву, безпокоите мою совѣсть; мнѣ скучно съ вами, и весело съ моими куртизанами. Я по моей волѣ созвалъ васъ и, по моей волѣ, разгоняю; прежніе цэри съ соборами не очень церемонились; въ случаѣ затрудненій, предпочитаю переговорить прямо съ богомъ, помазавшимъ меня на царство. Ступайте по домамъ и не тѣшьте себя напрасно безсмысленными мечтаніями; на всякій случай сдаю всѣхъ васъ подъ надзоръ полиціи, будьте довольны, что такъ дешево отдѣлались“.

Первый террористическій ударъ былъ экзаменомъ. Оказалось, что хамофилы, какъ истинные доктринеры, схоласты, заспали дѣйствительность.

Иванъ Аксаковъ помня мудрое изрѣченіе, что вѣра и любовь безъ дѣлъ мертвы, старался, по возможности, быть логичнымъ, съ свойственной ему образной патетичностью, онъ началъ взывать къ культурнымъ сословіямъ: „Опомнитесь, остановитесь, вы вступили на святотатственный путь; народъ обожаетъ царя, каждый ударъ въ него онъ будетъ принимать какъ ударъ въ собственную грудь; если — что ужасно подумать — державный вождь падетъ отъ руки крамольника, народъ вмигъ растерзаетъ всю интеллигенцію, съ столбовою пылью смѣшаетъ ея прахъ; не будите народа-исполина, невидимо, охраняющаго царя“.

Послѣ выстрѣла Соловьева, не заставилъ себя долго ждать взрывъ царскаго поѣзда подъ стѣнами первопрестольной столицы. Крамольникъ, соединившій проволоки электрической баттареи, не лишенъ былъ злостнаго остроумія: какъ бы издѣваясь надъ некультурнымъ населеніемъ, онъ въ своемъ домикѣ со смѣхомъ понавѣсилъ иконы, возжегъ передъ ними неугасимыя лампады, назвался Мининымъ-Сухоруковымъ. Освободительная фамилія адски совпадала съ миною; стоило только вникнуть въ фамилію и заговоръ рас-

крывался самъ собою, но наша умная тайная полиція не догадалась.... За поѣздомъ вскорѣ взлетѣла столовая въ зимнемъ дворцѣ, а за столовой, какъ бы въ гармоніи съ ней, плохо варившее отъ крайнихъ излишествъ державное чрево Александра II.

Аксаковъ, подъ вліяніемъ ударовъ, сталъ впадать въ прогрессивное ошалѣваніе. Отговориться, что до народа не дошли роковыя извѣстія было невозможно: о каждомъ покушеніи читалось съ папертей всѣхъ церквей, о немъ чуть не малиновымъ звономъ трезвонили колокола по всей Россіи, и со всѣхъ сословій, подъ угрозой заподозрѣнья въ неблагонадежности, собирались непосильныя деньги на часовни, подарки и проч. И не смотря на неслыханныя рекламы, провокаціи, неслыханное въ лѣтописяхъ другихъ странъ равнодушіе царило всюду.

Послѣ разрыва чрева въ Бозѣ, Аксаковъ откаталъ статью, въ которой восклицательные, вопросительные знаки превосходили число буквъ. Мнѣ помнится, что я прослезился отъ хохота, читая холуйскую дребедень, кликушническія выкликиванья: „Гдѣ мы? Какъ мы? Когда мы? За что мы? Кого мы? Какимъ образомъ мы?“ Въ концѣ статьи жупелъ смѣшался съ металломъ, и все увѣнчалось паденіемъ солнца, планетъ; неподвижныя звѣзды, туманныя пятна остались на прежнемъ положеніи — заподозрить ихъ въ смерти Александра II было трудно. Но кометы, за излишнее шатаніе, заподозрѣны были въ превратности: съ пылью, захваченной хвостомъ изъ другихъ планетъ, онѣ могли легко занести въ кровь русскихъ крайнюю святотатственность.

Но холуйское краснорѣчіе скоро отбросило комическія нотки, стало свирѣпымъ. Появилась жандармо-палаческая статья Евгенія Маркова: „У Голгоѳы“. За маленькими низкоподданническими обезьянками, вычищающими паразитовъ у большихъ и сильныхъ, вскорѣ выступили Гориллы.

Благолѣпный шалунъ Бѣдоносцевъ привезъ Аксакову послѣ 1-го Марта тяжелыя вѣсти: Самые тонкіе подвохи шпіоновъ, провокаторовъ нигдѣ не удались, ни одного даже манюсенькаго искалѣченія интеллигента нигдѣ не послѣдовало. Въ Петербургѣ и Москвѣ остановлены были нѣсколько тысячъ простыхъ людей за крайнее оскорбленіе Величества, по кабакамъ и на улицахъ, наиневиннѣйшее — „собакѣ собачья смерть“. О культурныхъ классахъ говорить нечего: они попрежнему въ усъ не дуютъ. Аксаковъ, можно сказать, захлеснулся отъ вѣрноподданическаго недоумѣнія, лакейскаго ужаса, онъ возопилъ: „Россія погрузилась въ столб-

някъ". Недѣли шли за недѣлями и, наконецъ, всенародный столбнякъ сталъ, къ соблазну вѣрующихъ въ него, переходить дозволенный медициной срокъ. Въ тѣ времена чудеса не были еще въ фаворѣ; попъ Иванъ молился въ Кронштадтѣ, но отнятыхъ рукъ, ногъ, вытекшихъ глазъ не возстановлялъ по почтѣ и телеграфу, отчаянныхъ рекламъ въ газетахъ не устраивалъ.

Выждавъ нужное время, Аксаковъ снова возопилъ: „Россія впала въ летаргію!" Мѣсяцы шли за мѣсяцами и, въ концѣ концовъ, народная летаргія приняла непозволительный характеръ. Сами министръ Толстой и Побѣдоносцевъ сочли нужнымъ, дружески, напомнить маститому Аксакову, что часъ пробужденія давно прошелъ, что дальнѣйшая летаргія можетъ посѣять, очень нежелательныя въ данный моментъ, смуты въ умахъ и чрезмѣрное шатаніе мысли: разъ народъ проводитъ свое время въ столбнякѣ и летаргіи, то это какъ бы даетъ ему право не взносить крайне нужныя подати. Выведенное изъ терпѣнія летаргіей, Ш-е отдѣленіе сдѣлало нѣсколько конфиденціальныхъ запросовъ, въ весьма угрожающемъ тонѣ. Испуганный запросами и выводами, Аксаковъ быстро понизилъ тонъ, съ тихой грустью изрекъ: „Народъ пріявъ на рамена свои тяжкій грѣхъ, оторванной отъ него интеллигенціи, омываетъ его цѣлокупнымъ постомъ, всенощнымъ бдѣніемъ, молитвенными думами. Кто знаетъ, можетъ быть изъ таинственныхъ нѣдръ народнаго духа воспослѣдуетъ всепрощеніе. О, склонись передъ народомъ-всечеловѣкомъ, обуянная западной гордыней интеллигенція! Смирись, облей слезами покаянія нанесенную народу, незакрывающуюся сердечную рану; пострадай, попостись, помолись вмѣстѣ съ нимъ".

Культурные люди имѣли наглость продолжать ѣсть, пить, веселиться. Въ кругахъ близкихъ къ царю разлитіе священнѣйшей крови не помѣшало разлитію суетнаго шампанскаго; говядина, птица покупались попрежнему, изъ постной пищи выбирались, какъ на зло, осетрина, стерлядь.

Цѣлокупный постъ, всенощныя бдѣнія, покаянія, жестоко вышучивались, царило мнѣніе, что то — постныя, шпіонскія фантазіи. Слезная влага не переходила нормальнаго уровня, и не смотря на безчисленныя выходки культурныхъ классовъ, предоставленія ихъ полиціей на произволъ судьбы, они не гибли, не растерзывались.

Присущія идеи гдѣ вы? Обожаніе гдѣ ты? Врядъ ли упрямый старикъ понялъ роковую для него философію исторіи. Но одно ясно: отъ грохота бомбъ 1-го Марта рухнуло,

какъ карточный домикъ, съ неимовѣрной натугой построенное, славянофильское ученіе. Объ основахъ самодержавія теперь говорятъ только завѣдомые агенты-провокаторы, а если, изрѣдка, попадаются статьи, превозносящія ихъ, то знайте, что грязнымъ пролазамъ очень щедро платятъ за схоластику.

Когда спустя нѣсколько лѣтъ, въ Боркахъ, отъ взрыва, слетѣлъ въ Чортову лужу поѣздъ со всею царскою семьею, обожающіе поселяне, близь лежащихъ деревень, явились на мѣсто крушенія; не обративъ ни малѣйшаго вниманія на трясущихся, бѣлыхъ какъ рубашка, царя и царицу, они принялись вычищать разбитые, богажные вагоны; вытянутые на Кавказѣ и по дорогѣ непосильные, дорогіе подарки улетучились... Вѣрные историческимъ традиціямъ поселяне, сказали себѣ: „Царская семья, съ поконъ вѣка, влоскъ обкрадываетъ насъ, не грѣхъ и ее капельку почистить, разъ представляется случай; жаль одно, что такіе случаи очень рѣдки; сколько бы не взяли, своего никогда не вернемъ".

Въ числѣ пропавшихъ вещей оказался, любимый царицей, бриллiантовый крестикъ, изъ за него цѣлые мѣсяцы порылись цѣлыя окрестныя населенія. Изъ за царицинаго крестика крестьянамъ пришлось пройти крестный путь.

О другой великой основѣ хамофиловъ — православіи распространяться считаемъ лишнимъ; совѣтуемъ обратиться къ безпощаднымъ цифрамъ. Смѣемъ думать, что за вычетомъ всѣхъ сектъ, которыхъ люто преслѣдуетъ казенная церковь, и другихъ исповѣданій, останется число не особенно поражающее своей грандіозностью. Если это основа, то, во всякомъ случаѣ, основа столь же устойчивая, какъ нашъ кредитный рубль.

Илья Ціонъ.

(Histoire de l'entente franco-russe).

Признаюсь, съ чувствомъ крайней гадливости сажаю на булавку, на память для будущаго, уродливую казявку, именующуюся Ціономъ. Есть гады, о которыхъ тошно не только говорить, но и вспоминать, онѣ будятъ въ душѣ пессимизмъ, зловредный какъ для общества, такъ и для отдѣльнаго человѣка; это гробы, разукрашенные снаружи, полные червей, нестерпимой вони внутри. Силятся они всю жизнь надувать другихъ, а подъ конецъ, заглянувъ въ опустошенную душу, съ ужасомъ убѣждаются, что болѣе всѣхъ надули самихъ себя.

Карьера Ціона, какъ и многихъ подобныхъ ему на Руси, зиждется на предательствѣ, свирѣпомъ обскурантизмѣ, идіотскомъ ханжествѣ, лицемѣріи, раболѣніи, грязной лести, на доносахъ, клеветахъ, на общественномъ презрѣніи.

Хочешь сцапать кушъ, заполучить очень тепленькое мѣстечко, крестишки, чины, начинай въ газетахъ, журналахъ, брошюрахъ, почаще, позамѣтнѣе, поносить революціонеровъ; содрогайся патетически передъ ихъ святотатственностью и пресмыкайся, до возбужденія всеобщей блевотины, передъ лютой азіатчиной; взывай яро, публично обдавая прохожихъ слюнями, къ произволу, дикой власти, державной рукѣ; восхваляй трепетно участокъ, крестись на всѣхъ перекрест-

кахъ; припадай на колѣночки, бія въ пустую грудь, лія слезы передъ знаменательными часовнями, и не забудь, хоть разокъ, изцѣлиться отъ неизлѣчимой болѣзни благолѣпнымъ прикосновеніемъ къ ветхому подряснику нѣкоего дивнаго старца.

Но если хочешь быстро попасть въ министры, шефы полиціи, орудуй почище: донеси на отца, мать, втолкни въ тюрьму собственныхъ дѣтей, запытай беременную, политическую мученицу, удави ребенка въ ея утробѣ; ступай на Голгоѳу, на эшафотъ, выдерни скамейки изъ подъ ногъ спасителей твоей родины, подсунь палачу гнилыя веревки. Устрой издѣвательствами, истязаніями бунтъ въ тюрьмѣ для политическихъ, и усмири его нагаймами, выворачиваніемъ штыками внутренностей. Въ обществѣ, на улицахъ, напрямикъ, превозноси правежъ, батоги, опричнину; добейся ненависти и презрѣнія всего русскаго общества.

Ціонъ, послѣ заплеванія его студентами, послѣ недоразумѣнія съ Верещагинымъ, измаравшимъ объ его пресвѣтлый ликъ свои руки, и, наконецъ, умилительнаго воспринятія святаго крещенія, попалъ въ милость къ Каткову, а затѣмъ, безпредѣльно преданный ученикъ, какъ часто случается, въ продазничествѣ, интригахъ, лести, холопствѣ перещеголялъ достойнаго учителя.

Послѣ смерти Каткова, какъ съ исчезновеніемъ единицы, Ціонъ оказался нолемъ. Тайная, явная полиціи разглядѣвъ его крайнюю незначительность, стали имъ брезгать, начали находить, что его идіотскія защиты въ сумрачной газеткѣ „Gaulois“ кнутовъ, пытокъ, тюремъ, висѣлицъ приносятъ не обѣщанную имъ пользу, но жестокій вредъ, возбуждая къ русскому правительству всеобщія отвращеніе, презрѣніе, которыя, не смотря на Альзасъ, могутъ, неожиданно рвануться въ наружу.

Министерство финансовъ, въ свою очередь, нашло, что крючковатые пальцы Ціона не по росту, и деретъ гешефты онъ не по чину; полегонечку отъ него начало отдѣлываться; произошла коллизія: аппетины Ціона продолжали непомѣрно расти, а гешефты, какъ нарочно, уменьшаться. Полный злобы, онъ выпустилъ, въ Парижѣ, книженку противъ министерства финансовъ; онъ, ярый участникъ во всѣхъ его темныхъ сдѣлкахъ, преступныхъ надувательствахъ французской публики, выступилъ въ роли обличителя. Нечего прибавлять, что изъ каждой строки обличеній высовывалась загребистая лапа, брызгала слюна смакующаго улепетывающую добычу.

Правительство скомпрометированныхъ имъ въ конецъ личностей, конечно, не боится: оно знаетъ какъ на ихъ обличенія взираетъ порядочная публика. Но простить продерзости всегда пресмыкавшемуся халую, разжившемуся на его счетъ, оно не могло, и повелѣло, немедленно, предстать передъ грозныя очи... Обожатель деспотіи, не смотря на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, предстать побоялся. Поджатіе куцаго хвостишки, лучше всѣхъ дутыхъ фразъ, показало, насколько онъ искренно защищалъ „необходимость самовластія, прелести кнута“. За отказъ, его съ азіатскою развязностью, разжаловали и выгнали изъ подданства.

Человѣкъ, сохранившій одинъ атомъ собственнаго достоинства, конечно, возмутился бы, но Ціонъ, увы, еще болѣе скрутился, смирился. Большой карманъ побѣдилъ крошечную душу. Найдя, что дѣло пошло не на шутку, и шантажемъ взять невозможно, онъ рѣшился на лакейскую вылазку. Въ покаянной кцижонкѣ „Histoire de l'entente franco-russe“ онъ принялся, чище прежняго, превозносить Каткова, Александра III, Побѣдоносцева, и чтобы въ конецъ угодить, повторилъ пущенную имъ въ 1887, 30 Декабря, въ „L'Intransigeant“ клевету на меня: что послѣ вторичнаго изгнанія изъ Франціи за статью противъ пещернаго Александра III, я, не смотря на всю строгость прусской полиціи, поселился въ Берлинѣ, и на деньги Бисмарка устроилъ 1-го Марта 87 г. покушеніе съ книгами, начиненными динамитомъ и отравленными пулями, на Александра III. Переступи я границу Германіи на одинъ мигъ, воображаю, съ какой быстротой заковалъ бы меня въ цѣпи мнимый поощритель взрывчатыхъ снарядовъ Бисмаркъ, какъ бы живо выдалъ русскимъ палачамъ.

Злонамѣренность клеветы несомнѣнна; она состряпана была Побѣдоносцевымъ, Катковымъ, Черевинымъ а, затѣмъ, поручена ихъ расторопному агенту въ Парижѣ, для распространенія. Пустивъ ее, Ціонъ не могъ не прочесть во многихъ передовыхъ газетахъ восхваленій моей особы, энергическаго протеста эмигрантовъ противъ дикой клеветы, моего письма къ Рошфору и офиціальныхъ удостовѣреній отъ кантональнаго совѣта Тессина и муниципальнаго совѣта города Лугано, что я, послѣ вторичнаго изгнанія изъ Франціи, проживалъ въ Лугано, на дачѣ Олива. До него не могли не дойти слухи, что въ редакцію „Intransigeant“ явилось огромное число лицъ, непричастныхъ революціонной партіи, съ горячимъ протестомъ противъ дрянной выдумки и о письмѣ Рошфора (оно хранится у меня) къ женѣ редактора

„Набата“ Турскаго, извѣстной французской писательницѣ, сотрудницѣ Revue de Deux Mondes, Стребенжеръ, въ которомъ онъ глубоко сожалѣетъ о невольной, тяжкой ошибкѣ и выражаетъ желаніе ее блистательно загладить, при первомъ удобномъ случаѣ.... Зная, кто клевета, пущенная въ газетахъ, скоро забывается, Ціонъ постаралсяся запечатлѣть ее въ своей книгѣ. Мерзость противъ революціонера, рядомъ съ пресмыкательствомъ передъ прахомъ Каткова и Александра Ш, сулили ему, въ близкомъ будущемъ, возвращеніе подданства, чиновъ, орденовъ, гешефтовъ. Грязненькій человѣчекъ знаетъ, чѣмъ можно умаслить третье-отдѣленскія сердца.

Въ полицейской гнусности для меня есть одна утѣшительная сторона: она показываетъ ясно, что черная банда вполнѣ оцѣнила мою дѣятельность, что мои отравленныя стрѣлы попадали и попадаютъ въ самое сердце. Правительство показало мнѣ заросшее грязью, свиное ухо. Моя статья — невольное движеніе концомъ палки, для устраненія поганаго уха.

Правительство Наполеона Ш находя, что, „иглы тайныя“ недостаточно сурово „язвили славное-чело“ Бланки, пустило про него позорный слухъ; той же чести подвергся Бакунинъ, въ самый разгаръ его самоотверженной дѣятельности. Безъ этого помазанія не могъ обойтись особенно ненавидимый революціонеръ. Увы, правительства забываютъ, что вплетаемыя ими терніи, всегда обращаются въ лавры, а раны отъ ихъ бичеваній испускаютъ лучи.

Ціонъ подленькой выходкой поставилъ меня въ затруднительное положеніе: вызвать его на дуэль невозможно, поступить съ нимъ а ля Верещагинъ—это сыграть ему на руку: онъ жаждетъ отъ меня оплеухъ, какъ нѣкогда евреи жаждали въ пустынѣ мяса; получивъ знаки отличія на лицѣ, енъ, съ фальшивыми свидѣтелями, помчится въ полицію, и меня, во славу союза, изгонятъ изъ Франціи въ третій разъ, а русская тайная полиція, наконецъ, не выдержитъ и заставитъ дурачка Николушку подписать возвращеніе Ціону подданства, чиновъ, гешефтомъ... Остается тѣшить себя надеждою, что, въ одинъ скверный для Ціона день, я встрѣчу его внѣ Франціи.

Скажу въ заключеніе, что книга Ціона, какъ характеристика нашей монгольщины, не лишена значенія. Несомнѣнно, что три четверти его розсказней въ своемъ родѣ тридцать тысячъ курьеровъ Александра Ивановича Хлестакова, но и оставшаяся четверть—„веселенькій пейзажикъ“. Хоро-

ша форма правленія, гдѣ людишки, съ душевнымъ багажемъ Ціона, могутъ мастерить союзы и сто-милліонные государственные займы, гдѣ „пѣнившійся въ пустотѣ“ „мерзавецъ пера“ Іудушка-Катковъ могъ семь лѣтъ полномощно править несчастной Россіей! При чтеніи книги, у меня нѣсколько разъ опускались руки передъ непозволительною глупостью Ціона. Неужели этотъ дѣйствительный таинный совѣтникъ, и явный „доботрясъ“, не догадывался, что его похвалы, съ человѣческой точки, хуже самой ѣдкой брани, пламенной сатиры? Одинъ розовый республиканецъ прочтя шельмующій панегирикъ, сказалъ моему пріятелю: „Теперь я понимаю вполнѣ ваше отвращеніе, ненависть къ Александру Ш и Каткову; какой мрачный, отпѣтый негодяй этотъ Катковъ, наши бонапартисты и тѣ плюнутъ, прочтя эту книгу. Ассиріей и Вавилоніей иногда управлялп свирѣпые кастраты, но ваши негодяи превзошли ихъ“.

Во истину, не поздоровится отъ похвалъ Ціона. Онъ, другъ, оказался опаснѣе для памяти Каткова самого его лютаго врага. Наши палачи не бросаютъ, но просто жгутъ казенныя деньги. Порядочныхъ людей подкупить нельзя, а сволочь сколько ей не плати, выйти изъ сволочи не можетъ; ея каменья воздвигаютъ пьедесталы, ея похвалы углубляютъ помойную яму. Пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы посмотрите, во что превратятся апологіи Александру Ш и компаніи.

Мы желаемъ отъ всей души, не смотря на помѣщенную въ ней клевету, распространенія книги Ціона. Пусть почаще выходятъ такія апологіи палачей Россіи.... Умѣетъ похвалить Илья Ціонъ!! молодецъ, Илья Ціонъ!!!

Разсказъ очевидца о покушеніи Соловьева

Въ Ниццѣ, въ кафе, я озиралъ наше вертлявое, темное, подлое „Новое Время". Къ столику подсѣлъ господинъ, съ круглыми, какъ у совы, глазами. Долго молчалъ онъ, и, наконецъ не выдержалъ; вытягивая губы, какъ бы для лобзанія, простирая длани, какъ бы для обниманія, онъ патетически воскликнулъ: „скажите на милость, какая пріятная неожиданность, вы — русскій! Кто бы могъ ожидать!? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ не слыхалъ нашего родимаго, славнаго, русскаго языка. Ни одинъ французъ, сударь мой, не знаетъ слова по русски, мы же напротивъ, истинно уму непостижимо. Гарсонъ! хвитъ, сплнъ вунъ вплеиъ".*)

Разговоръ зашелъ о событіяхъ, новый знакомый былъ очень откровененъ. Въ качествѣ третьеотдѣленца онъ, всюду, слѣдовалъ за Александромъ II-мъ и присутствовалъ, вмѣстѣ съ Кузьмою Захаровымъ, при выстрѣлѣ Соловьева. Вотъ что онъ мнѣ передалъ:

„Его Величество, при первомъ выстрѣлѣ, пали, а затѣмъ тотчасъ же, чрезмѣрно, можно сказать восхитительно быстро, прослѣдовали, на четверинкахъ, черезъ всю дворцовую пло-

*) Сохраняю во всей неприкосновенности французскій языкъ третьеотдѣленца.

щадь и, августѣйше изнемогая, какъ бы почили на осчастливенныхъ ступеняхъ подъѣзда дома Горчакова. Задыхаясь отъ безпредѣльныхъ чувствъ, я и Кузьма Захаровъ подбѣжали къ ихъ Величеству... Лицо ихъ было цвѣта неопредѣленнаго, землѣ преподобное, шея.... весьма и весьма раздута, примѣрно, какъ у очковой змѣи. У всѣхъ Романовыхъ, и даже далекой родни ихъ Величества, шеи отличаются непомѣрною полнотою и аппетитною припухлостью на затылкѣ, нашъ государь, въ этой очень пріятной игрѣ природы, перещеголяли всѣхъ, даже ихъ дядюшку Гогенцоллерна. Государыня, цѣлуя ихъ Величество въ державную хряпочку, не разъ въ шуточномъ настроеніи говаривали: „Ахъ, ты, пуховая, пуховая, жировая подушечка“. Сестрицы Долгорукія, не разъ, онную подушечку, въ страстяхъ, пощипывали... Шея, говорю я, была раздута, пульсъ слабъ. Я и Кузьма Захаровъ—оба мы, впослѣдствіи, получили томпаковыя медали, съ умилительною надписью: „за спасаніе погибавшихъ“ — подняли государя-императора. Не смотря на переполненіе чувствами, мы почувствовали.... ничего не скрою, сударь мой, переполненіе штановъ императорскихъ, необычная теплота въ филейныхъ частяхъ и весьма великій запахъ, какъ бы отъ выплеснутаго большаго, полнаго горшка, ясно указывали на неоднократное и немалое прослабленіе. Его Величество скоро прозрѣли, первыя слова ихъ были полны ангельской благопожелательности.

„Осторожнѣе, дѣти, чтобы не размазать“. Не знаю, какимъ образомъ у меня вырвались слова, можно сказать, святотатственные: „Ваше Величество!—вскричалъ я—вы поступили нехорошо, объ этомъ узнаютъ иностранныя державы и удивятся; шапка мономаха посрамлена, форменныя штаны испачканы, военный мундиръ насквозь пропахъ“. Монархъ, кротко взглянувъ на меня, херувимски произнесъ: „Знаю, дѣти, знаю, что нехорошо, но еще разъ повторяю: осторожнѣе, чтобы не размазать“. Мы, павъ на колѣни, разрыдались; въ порывахъ раскаянія, я нѣсколько разъ поцѣловалъ штаны монарха въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было тепло. Государь, какъ бы въ умиленіи, ткнули мнѣ самодержавнымъ пальчикомъ нѣсколько разъ въ носъ и тихонько пригрозили. Признаюсь вамъ, я расцѣловалъ пальчикъ съ безуміемъ. Но вы, можетъ быть, скажете, сударь мой, что цѣлованіе было смѣло, дерзко, что я зазнался, вздумалъ фамильярничать, но не забывайте, что безпредѣльность, безконечность чувствъ извиняетъ все; царелюбцамъ все дозволено! Царелюбцамъ все прощается! Положенный въ коляску № 14, принадлежа-

щую отставному агенту-провокатору, полковнику Чистотѣлову, ихъ Величество впали въ меланхолію, какъ бы сквозь сонъ, повторяли: „Ловко пролупилъ, силенки, слава Богу, еще есть, не занимать... на четверинкахъ много, много скорѣе.... сѣрый въ яблокахъ не поспѣлъ бы.... шалишь, братъ Сашка!! . . . . Скажите, выдумки какія, какъ на волка стали охотиться... нечего сказать вѣжливы... славныя манеры“.

„Подъѣзжая ко дворцу, съ удивленіемъ спрашивали: „куда дѣвалась вся истинная нація? Отчего не было ея при посяганьи? Почему никто не бросился патріотически, разрывать на части?“ Приказывали полиціи, безпримѣнно, въ 24 часа, доставить націю, а затѣмъ, какъ бы въ бреду, допрашивали: какъ зовутъ подсудимаго? Гдѣ живутъ его родные и знакомые? Чтобы ихъ, немедленно, попытать и повѣсить, или же сначала повѣсить, а потомъ все узнать. Въ случаѣ же полной невинности, опять таки повѣсить, но уже не въ видѣ наказанія, но скорѣе для примѣра. Не получая надлежащихъ отвѣтовъ, косили глазами, дригали ножками.

„Во дворцѣ ихъ встрѣтили Государыня-Императрица, высочайше вѣрными, быстрыми шагами онѣ прослѣдовали на встрѣчу, но подойдя воскликнули: „Александръ, Александръ, куа ту хве? Кувиль водеръ!“ Его Величество взглянувъ съ свирѣпствомъ, какъ бы рявкнули: „Хвинисе! Деванъ ле жансъ. Анъ пропонъ, ма ширъ, какъ зовутъ родныхъ и знакомыхъ того охотника, то есть ммеррз...., который.... скоро истинно честному русскому нельзя будетъ выйти изъ сортира.... какое полосканіе.... тьфу, ты, чортъ, шатаніе мыслей“...

„Въ покояхъ встрѣтили ихъ Величество шефъ третьяго отдѣленія, генералъ Тянижиловъ и флигель-адъютантъ Шкуродеровъ, они держали у глазъ платки и вытерали какъ бы слезы. Растроганный ихъ непритворными чувствами, Императоръ повелѣли: „Ведите меня скорѣе въ тронную.... какъ бишь, не въ тронную,—въ кабинетъ.... кабинетъ Орла.... захватите одеколонъ и вполнѣ русскія газеты, патріотическія“...

„Не смѣя присутствовать при дальнѣйшемъ, только самые высшіе чины, сударь мой, къ сему допускаются, я спрятался за дверьми. Послѣ нѣсколькихъ минутъ (не скажу молчанія) Государь воскликнули: „сначала Гражданиномъ, Московскими Вѣдомостями послѣ“.

Степанъ Разинъ.

На Волгѣ пышно-заря разгорается.
Искритъ волна, и свѣтла и шумна,
На бѣлыхъ пескахъ разливается.
Осушилъ Степанъ чару полную,
Взговорилъ Степанъ тихимъ голосомъ:
„Ой любовь моя, ты княгинюшка!
Склонялъ на грудь твою я головушку,
Разудалую, непокорную,
На плаху царемъ обреченную.
Околдовала меня рѣчью сладостной,
Пѣснію нѣжною, заунывною,
Взоромъ, страстью затуманеннымъ,
Крѣпче колецъ змѣи, твои рученьки
Обвивали меня въ жарки ноченьки.
Истаялъ сердцемъ, нѣту моченьки.
Въ ночь весеннюю, въ ночь душистую,
Разливалась кругомъ трель соловьиная,
И цвѣточки намъ точно кланялись,
Кланялись они, улыбался.
Лѣсъ листвою шумѣлъ, весь насупившись,
И рѣчная волна насъ баюкала,
Точно пѣсенка материнская.
Заглушилъ лепетъ пылкій твой
Цѣпей тяжкій звонъ, Руси долгій стонъ.
Задремала въ душѣ мощь мужицкая,
Сна незнавшая, къ горю чуткая.
Не будятъ меня свистъ крамольничій,
Свѣтъ пожарища и набата гулъ.
Заржавѣлъ топоръ, яркій, остренькій,
Запустѣли стобы съ перекладинкой,
Клекчетъ коршунъ степной, ненасытненькій.
Ослабѣла рука, цѣпи рушившая,

Противъ бури весломъ правившая,
Кликъ мой вдоль рѣки не разносится,
Въ поднебесьи орелъ не пугается.
Лиходѣи сномъ моимъ всласть воспользовались,
Позазнались они, заупрямились.
Ихъ тишайшій царь, втихомолочку,
Кровь крестьянскую сосетъ сладенько,
По монаршему, по старинному,
По обычаю освященному.
Не страшатъ меня злоба гадины,
Пытки лютыя и анафемы,
Томитъ душу судъ разбойничій,
Разбойничій, свѣтлый, праведный.
Сердце мретъ въ груди, какъ подумаю,
Что я жизнь забылъ своевольную,
Распрекрасную, бунтовщицкую.
Отъ рѣчи той у княгинюшки
Сердце бьется словно пташечка,
Словно пташечка, въ тѣсной клѣточкѣ.
Щеки блѣдныя, очи мутныя,
Руки немощно внизъ опущены.
Блещутъ глаза у разбойника,
На дѣвицу глядитъ, улыбается,
Слеза крупная, необычная,
Порой дрожитъ, дрожитъ, катится...

Май 1896 г.

„DUE TERRORI IN RUSSIA". ANTONIO VERGNANINI

Въ Январѣ нынѣшняго года, въ Женевѣ, вышла книжка очень талантливаго, извѣстнаго въ Италіи, публициста, Антонія Верньянини: „Два террора въ Россіи". Успѣхъ книги превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Видимо, итальянская публика не менѣе остальной Европы интересуется русскимъ

революціоннымъ движеніемъ, не менѣе ненавидитъ и презираетъ лютую, русскую деспотію. Сочиненія Кеннана и Степняка, переведенныя на итальянскій языкъ, давно распроданы и всюду идутъ спросы на новыя изданія. Осмѣлься какой нибудь писака въ Италіи защищать, хоть бы въ слабой степени, русское правительство, и онъ тотчасъ же прослыветъ за гнуснѣйшаго шпіона, и книги его никто не станетъ читать.

Книга Верньянини эту зиму блистательно пропагандировалась, ее читали въ собраніяхъ студентовъ, рабочихъ, она проникла даже въ старшіе классы всѣхъ школъ. Ярко схваченные образы нашихъ дивныхъ борцовъ вызвали всюду неописуемый энтузіазмъ. На нѣкоторыхъ собраніяхъ ненависть, отвращеніе къ русскимъ правительственнымъ палачамъ доходила до такой интенсивности, что можно было ожидать повтореній сценъ, бывшихъ въ Марселѣ, послѣ того, какъ весь цивилизованный міръ съ ужасомъ узналъ о пыткахъ и висѣлицѣ, предназначенныхъ для беременной Геси Гельфманъ.

Въ книгѣ Верьянини пламенно и сжато выставлены образы нашихъ выдающихся террористовъ. До дна потрясаютъ душу подвиги безграничнаго самоотверженія, величаваго героизма, сказочной отваги, беззавѣтной любви, и рядомъ, во всемъ омерзительномъ ужасѣ, выступаетъ династія мнимыхъ Романовыхъ, начавшихъ свой родъ отъ чухны, отъ сумасшедшаго эпилептика, удушеннаго въ Гатчинѣ. Цѣлый рядъ живыхъ картинъ, мѣткихъ, ѣдкихъ характеристикъ вырисовываютъ вполнѣ нашихъ самодержцевъ и ихъ проклятыхъ слугъ, все ихъ безпробудное, дикое невѣжество, злую, мрачную тупость, ненасытную свирѣпость, полную оторванность отъ своей націи. Послѣ Александра III, Николая II, особенно рѣзко охарактеризованы: Побѣдоносцевъ, Муравьевъ (министръ юстиціи).

Мы можемъ смѣло сказать, что на иностранномъ языкѣ не выходило книги, болѣе враждебной русскому правительству. Въ книжкѣ соединено все для ея успѣха: она мала объемомъ, написана блестящимъ языкомъ, полна искренности, чувства; въ выставленныхъ лицахъ обращается горячая кровь, они встаютъ, какъ живые. Переведенная на всѣ языки, она окажетъ неоцѣненную услугу революціонному дѣлу въ Россіи.

Московскій сборникъ К. П. Побѣдоносцева

Духовныя и свѣтскія цензуры, колодническіе и околодочные законы о печати, административныя ссылки, тюрьмы, вѣшанья безъ суда, видимо, недостаточно спасаютъ самодержавіе. Къ цѣлымъ арміямъ явныхъ и тайныхъ полицій оно начинаетъ прибавлять писакъ, но новое воинство, подобное воинству Фальстафа—изъ Тѣни, Слабости, Заплѣснѣвѣлаго, не окупаетъ расходовъ. Эффектъ, производимый брошюрками Исаакіевскаго собора и кой какими газетными статейками, въ послѣднее время, сильно заподозрился.... Въ высшихъ сферахъ слышутся голоса: „мѣры не знаютъ, переслюнявливаютъ, да и слюна подозрительная, точно меркуріальная; дашь палецъ полизать, а они подъ камергерскій ключъ лѣзутъ; брошюрокъ мало, книги нужны, цѣлый сводъ нуженъ". Побѣдоносцевъ внялъ призыванію, выпустилъ книжищу.

Многіе прочтя ее, придутъ къ выводу, что Побѣдоносцевъ считаетъ читателей троглодитами и страшно обидются за свою родину.

Но за такія книжки не обижаться слѣдуетъ, но благодарить. Такая книжища, въ нѣкоторомъ родѣ, раскрытая до невозможности волчья пасть, полная запекшейся крови, съ обрывками мяса на острыхъ зубахъ; самодержавіе, православіе вырисовываются вполнѣ. Калибаны встаютъ нагишомъ, узнаешь, чего нужно отъ нихъ ожидать, на что они способны.

Вѣетъ отъ книжки Алексѣевскимъ равелиномъ, застѣнкомъ, чѣмъ то слизлымъ, заросшимъ, масляною гарью, сырымъ, полнымъ сѣрыхъ пауковъ. Только совсѣмъ разжижен-

ный мозгъ стараго, безнадежно больнаго онаника могъ создать такую сѣрую книгу.

Передъ нею книга Страхова: „Борьба съ западомъ“ покажется чуть не умной, чуть не логичною, чуть не вольнодумною.

Никакъ не поймутъ допотопныя ящерицы, что не съ западомъ намъ нужно бороться, но на смерть съ Востокомъ, съ лютой, вышедшей изъ исторіи, азіатчиной, что пора намъ заживить на спинахъ раны отъ азіатскихъ бичей, а въ душѣ язвы отъ восточнаго рабства.

Какова форма правленія, таковы и защитники, по Сенькѣ и шапка, по Николкѣ Побѣдоносцевъ.

Невольно является вопросъ: въ силу какого добра, какихъ принциповъ этотъ пустосвятъ, просвирникъ, мракобѣсецъ возстаетъ противъ всякаго движенія, неразрѣшеннаго полиціей, противъ разума, науки, свободы мысли, совѣсти, печати, противъ человѣческаго достоинства, критической мысли, мощной индивидуальности, словомъ всего міроваго прогресса?

Противъ какого индивидуализма возстастъ онъ, разъ его идея самодержца — послѣднее слово чудовищнаго, болѣзненнаго индивидуализма? На сотняхъ страницъ онъ показываетъ намъ вытертый, ломанный грошъ и выѣденное яйцо и предлагаетъ, во здравіе самодержавія, православія, жить этимъ грошомъ, питаться этимъ яйцомъ.

Зачѣмъ суетъ онъ всѣмъ свое вонючее, постное масло, разъ никто не хочетъ возжигать лампадъ передъ его уродливыми идолами?...

Главы книги, по ихъ внутреннему содержанію, слѣдовало бы озаглавить болѣе яснымъ, точнымъ образомъ, а именно:

Взглядъ очень древняго, совсѣмъ захирѣвшаго онаника на безпутство революцій, съ удивительными выписками изъ сочиненій иностранныхъ Философовъ.

Многосторонній взглядъ опытнаго, въ большихъ чинахъ администратора на легкость и безплодность отрицанія.

Розги—не забава...

Революціи всѣхъ вѣковъ и народовъ, разсматриваемыя какъ простое недоразумѣніе, какъ непростительный недосмотръ полиціи

Отрицаніе съ точки зрѣнія начальственной положительности...

Полное посрамленіе аѳеизма (атеизма) цѣлой серіей волшебныхъ, но въ то же время и достовѣрныхъ разсказовъ, о млекѣ и потѣ пресвятой Богородицы-троеручицы; о мурото-

чивомъ носѣ, кіевскихъ пещеръ; о сохранившейся губкѣ, съ уксусомъ, побывавшей въ устахъ Бога нашего во время крестной муки, объ уцѣлѣвшихъ розгахъ, коими наказанъ былъ, на непорочномъ тѣлѣ, творецъ вселенной, по повелѣнію іерусалимскаго градоначальника. О недостаточно опровергнутыхъ и взвѣшенныхъ трехъ китахъ...

О нисхожденіи святого Пафнутія, путемъ видѣній, во адъ, съ подробнымъ, точнымъ описаніемъ мукъ, выпавшихъ на долю всевозможныхъ разрядовъ грѣшниковъ, объ особенныхъ вертелахъ и необычномъ огнѣ для отрицателей.

Полегонечку, да потихонечку, безъ думъ, ломокъ, противорѣчій, затѣй, или аллегорическія повѣствованія для полнаго обузданія прелестныхъ утопій, мечтательныхъ крайностей...

Ежедневное цѣлованіе въ плечо начальства, какъ единственный способъ упорядоченія, умиротворенія, возбужденія вполнѣ русскаго достоинства.

Участокъ, разсматриваемый какъ перстъ божій, какъ главный и неоспоримый двигатель всемірнаго прогресса.

Мирный сонъ обывателя подъ прохладною сѣнью самодержавныхъ и кафолическихъ стропилъ.

Вполнѣ русская душа, чертовски молодецкая любовь къ батюшкѣ-царю, или величіе, героизмъ Комисарова, трусость, низость Каракозова.

Монастыри, разсматриваемые, какъ вертограды смиренія и цѣломудрія.

Суровый взглядъ падшаго, черезъ интриги, третьеотдѣленца (нечаянная кража дюжины серебряныхъ ложекъ) на дерзновенія афеизма, на утопичность собственнаго достоинства и равенства.

Прохладное слово іерея Дерунова о великой поркѣ, воспринятой Творцомъ видимаго и невидимаго, съ всерадостными выводами для крестьянскаго населенія россійской счастливой имперіи.

Разносторонняя, безъ прямолинейности рѣчь протоіерея Лайолы Душегубцева на темы: что вполнѣ скрываемо, да будетъ ненаказуемо, но слегка заподозрѣнное, да будетъ караемо, какъ бы вполнѣ обнаруженное.... Въ тайникѣ души твоей презирай, ненавидь самодержца своего, но наружно служи ему, съ обожаніемъ припадай къ стопамъ его, ложись костьми за него.... Въ тайникѣ души не вѣрь въ Бога своего, но аккуратно, въ благолѣпномъ настроеніи, посѣщай храмъ его, зычнымъ голосомъ пой хвалу ему.... Не вѣрь въ Іисуса, но твори знаменье креста его, съ благоговѣніемъ

ѣшь тѣло его, смакуй кровь его. Не какая нибудь западная лжесвобода, но вполнѣ русская, настоящая предоставлена у насъ всѣмъ истинно вѣрноподданнымъ.

Новыя, неожиданныя откровенія на темы: уши выше лба не растутъ, звѣзда отъ звѣзды разнствуютъ, овому одинъ, овому два, ласковое теле двуха матокъ сосетъ, ѣшь пирогъ съ грибами, но языкъ держи за зубами, языкъ мой — врагъ мой, а перо паче того.

О предательствѣ, доносѣ, какъ основахъ самодержавія и православія, обязательность онныхъ для всѣхъ истинно русскихъ, распепеленье западническихъ мнимо либеральныхъ лжетолкованій.

Полное ядовитыхъ насмѣшекъ, опроверженіе шаблонныхъ взглядовъ нашихъ западныхъ сосѣдей на деспотію и рабство, рядъ основанныхъ на историческихъ фактахъ научныхъ доказательствъ, что только въ нихъ заключены истинныя свобода, равенство, братство.

О полномъ разложеніи горделиваго запада, о вкусной свѣжепросольности востока.

Сравненіе матушки-Россіи съ западомъ, весьма обидное для послѣдняго, жизнь, полная любованій, милованій, лико-ваній, преуспѣваній, торжествъ, всякихъ свободъ на Руси и полная скрежета зубовнаго, невыносимыхъ стѣсненій на западѣ.

Ну ка, посравнимъ все, да полюбуемся, или залпъ каламбуровъ въ сторону зазнавшихся, но въ тайнѣ завидующихъ нашему правленію, за-атлантическихъ друзей.

Разсказъ о безконечно счастливомъ, не взирая на лебеду, мужичкѣ, аккуратно посѣщающимъ храмъ божій и о несчастномъ отрицателѣ, шляющимся въ оборванномъ видѣ по кабакамъ и бардакамъ, кончающимъ висѣлицею безъ суда.

Мечтающій о конституціи можетъ быть уподобленъ безумцу, носящемуся на утлой ладьѣ, по бурнымъ волнамъ океана. Вполнѣ довольный самодержавіемъ — рыбарю, ловящему жирненькую, вкусненькую рыбку въ стоячей водѣ.

Всевозможныя, пресловутыя говорильни (парламенты) суть дома умалишенныхъ, покинутые добрыми, трезвыми сторожами. Единодержавіе — свѣтлый, славный кабинетъ мудраго ученаго, весь заваленный спасительными прожектами.

Взглядъ на конституцію, какъ на клочья дрянной бумаженки, исписанной суетностью, а на единодержавіе, какъ на вѣчный, лоснящійся папирусъ, смазанный нетлѣннымъ муромъ, исписанный божественнымъ перстомъ.

Благопожелательныя рѣчи объ умѣренности, аккуратности,

послушаніи, преклоненіи, обожаніи, безъ вниканій и разсужденій.

О довольствѣ малымъ: кроткія разсужденія оберъ-прокурора Синода, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ окладомъ въ 50 тысячъ рублей.

О застѣнкѣ и кляпахъ, какъ противовѣсѣ суду улицы (суду присяжныхъ).

Поэтическое сравненіе западнаго жонглерскаго строя, съ его анархическими затѣями, съ южнымъ эфемернымъ персикомъ, быстро гніющимъ, невыносящемъ тряски, и родимаго, залихватскаго самодержавія съ капустною, ядреною кочерыжкою, смѣющейся надъ пространствомъ, временемъ, температурою.

Исключительность Россійскаго государства, прогрессъ не спереди, но сзади, не въ прорубленное Петромъ окно глазѣть нужно, но въ дыру восточную.

Объ исполинствѣ деспотіи и мизерности республикъ.

О пагубности, преступности прессы, мнящей выражать собою якобы общественное мнѣніе, а вмѣсто того выражающей свободоязычіе, неблагонамѣренность, превратность, шатаніе, плесканіе мыслей и великой пользѣ прессы, черпающей благопожелательность у высокопоставленныхъ чиновниковъ, а за неимѣніемъ онныхъ по близости, у бодрствующихъ околодочныхъ въ уютныхъ участкахъ.

О непоколебимости частной собственности или о гнусной, ни на чемъ неосновательной зависти къ богатымъ.

О томъ, какъ богатые, путемъ заказовъ предметовъ роскоши, обиліемъ дворцовъ, прислуги, благодѣтельствуютъ бѣдныхъ тружениковъ и о томъ, какъ завидуютъ они ихъ простенькимъ комнаткамъ, незамысловатой трапезѣ, ихъ желѣзному желудку.

Вотъ вкратцѣ мораль византійшины, азіатчины. Царства, послѣдовательно практиковавшія эту мораль, давно сметены исторіей. Въ развалинахъ дворцовъ гнѣздятся, вполнѣ достойные царей, ихъ наслѣдники: ядовитыя змѣи, скорпіоны, фаланги.

Но если вы хотите получить тройль экстрактъ, квинтъ эссенцію этой омерзительной, анти общественной схоластики, ее можно выразить въ нѣсколькихъ строкахъ:

Сила не въ словопреніи, но въ молчаніи, не въ разсужденіяхъ, а исполненіяхъ, не въ свободомысліи, но узколобіи. Спасеніе не въ революціяхъ, но въ полиціяхъ, не въ фаланстеріяхъ, а жандармеріяхъ, не въ конспираціяхъ, а въ пространіяхъ, не въ конституціяхъ, но экзекуціяхъ, не въ

демагогіи, а въ деспотіи, не въ озорствѣ, а притворствѣ, не въ чести, а лести, не въ самоотверженіи, а въ предписаніи, не въ героизмѣ, а сервилизмѣ, не въ славѣ, но въ срамѣ.

Изъ этого заколдованнаго круга наши любящіе порченные консервы консерваторы и всѣхъ шерстей мракобѣсцы выйти не могутъ.

Пора намъ понять, гдѣ пріютились настоящіе, безпримѣсные нигилисты, въ чьихъ проповѣдяхъ, писаньяхъ сокрыта настоящая нигилятина.

Іюль 1896.

Кара націи.

Преодолѣвая невыразимое отвращеніе, исключительно для возбужденія желчи, я прочитывалъ конюшенную лирику. Нѣкій пылкій хамъ Прокофій, могущій, по временамъ, соперничать съ самимъ отцомъ лести и брехни, генераломъ Богдановичемъ, поощряемый дворцовой дворней, доставлялъ въ „Новое Время“ описанія торжествъ. Каждый день, на четырехъ столбцахъ, онъ нырялъ въ океанахъ серебра, моряхъ золота, рѣкахъ брилліантовъ, слѣпъ отъ переливовъ, отраженій, сверканій. Каждый день онъ, можно сказать, облизывалъ коронацію, долизывалъ недостаточно вылизанное Богдановичемъ, съ братіей. Корреспонденты, неистово смакуя брилліанты, золото, серебро, видимо, хотѣли въ конецъ раздражить всѣхъ кокотокъ и содержанокъ, потѣшить нашихъ дамочекъ, вернувшихся изъ Монте-Карло.

Предоставляю судить о сюрпризѣ, когда рядомъ съ восторженной похабщиной, мнѣ, неожиданно, попалось, въ незамѣтномъ мѣстѣ, крошечное правительственное извѣщеніе, незначительное по духу, между прочимъ:

„Блистательное теченіе коронаціонныхъ торжествъ омрачилось прискорбнымъ событіемъ. Сегодня 18 Мая, за-

долго до начала народнаго празднества, толпа, въ нѣсколько сотъ тысячъ, двинулась такъ стремительно къ мѣсту раздачи угощеній на Ходынскомъ полѣ, что стихійной силой своей смяла сотни людей. Вскорѣ порядокъ былъ возстановленъ, но къ крайнему прискорбію, послѣдствіемъ перваго натиска толпы было не мало жертвъ. По свѣдѣніямъ полиціи до 4 часовъ убитыхъ — триста тридцать одинъ, раненыхъ четыреста пятьдесятъ девять".

Въ этихъ строкахъ ясно сквозитъ, что нужно быть анархистомъ, достойнымъ застѣнка и каторги, чтобы останавливаться на подобной стихійности. Превратная катастрофа внесла раздирающій дисонансъ въ ослѣпительно роскошную коронацію; изуродованные до неузнаваемости трупы, крамольнически, отвлекли вниманіе отъ высочайшихъ особъ, отъ ихъ скромныхъ баловъ, идиллическихъ забавъ, благолѣпныхъ пріемовъ... То не болѣе какъ стихійная сила: градъ, ураганъ, молнія, винить тутъ некого. Десятки тысячъ явныхъ и тайныхъ полицейскихъ заняты были охраненіемъ священнѣйшей особы, державнаго хозяина земли русской, осмотромъ всѣхъ частныхъ квартиръ, арестами и высылками слегка невинныхъ.

Росказни о выдавливаньи внутренностей могутъ навести на мысль о выдавливаньи послѣднихъ грошей изъ нація на торжества коронаціи, и на другія злонамѣренныя сопоставленія.

Мнѣ понравилась правдивая цифра: 459 помятыхъ, изувѣченныхъ, точно рекламная цѣна въ виртинахъ базаровъ: 4 руб. 95 к. пяти копѣекъ недостаетъ до пяти, а все почему то сдается—четыре рубля.

Выше упомянутый рабъ Прокофій, въ игривомъ тонѣ, упомянулъ о стихійномъ, нелѣпомъ натискѣ, о кой какихъ жертвахъ. Но послѣ, очень далекаго отъ истины, правительственнаго заявленія о 1200 трупахъ, онъ нѣсколько измѣнивъ тонъ, заговорилъ, чуть не съ презрительной улыбочкой, шаловливымъ юморомъ о погибшихъ „босоножкахъ". Между строкъ ясно читалось: какой позоръ подымать скандальный шумъ изъ за какой то тысченки плюгавыхъ босоножекъ, съ какихъ это поръ они получили права на жизнь? Неужели права на порку для нихъ недостаточно? Истинно благонамѣренный обыватель долженъ благославлять коронацію за очищеніе Москвы отъ безпокойнаго, назойливаго элемента. Въ этомъ фактѣ мы видимъ, какъ бы воочію, исключительную заботливость Творца вселенной о своемъ помазанникѣ.... Порывистое, нѣсколько рѣзкое истребленіе того

же элемента московской полиціей, вызвало бы пожалуй, среди лжелибераловъ, нелѣпые толки, тогда какъ очищеніе однимъ благимъ взмахомъ перста божьяго должно у всѣхъ, вполнѣ русскихъ, вызвать неподдѣльный, благоговѣйный восторгъ.—Не мѣшаетъ нашему незамѣнимо преданному царелюбцу Богдановичу сдѣлать благопожелательные выводы изъ катастрофы, объяснить ее нѣсколько запоздалымъ воздаяньемъ за мученическую смерть Александра II. Ясно, что Москва, въ то время, недостаточно цѣлокупно постилась и каялась.

Въ день гекатомбы на Ходынскомъ полѣ, во французскомъ посольствѣ справлялся балъ, справлялось дикое торжество, когда уже всѣмъ стало извѣстно, что цѣлая гора изъ тысячъ труповъ воздвиглась въ честь коронаціи, изъ труповъ распухшихъ, обезображенныхъ до потери человѣческихъ формъ. . . . Умерли вѣчно голодающіе, не вкусивъ истинно царскаго подарка: нѣсколькихъ конфектъ изъ мѣла, пирога изъ гнилой муки и куска колбасы изъ стервятины!

Умираетъ какая нибудь ядовитая гессенская муха или высочайшій швейнерейскій принцъ, и трауръ накладывается чуть не на всю Россію.

Кара націи выражается чуть не въ пяти тысячахъ труповъ, и веселье, пляски доходятъ до своего апогея; кровожадные самцы и самки носятся по трупамъ, нагло звеня шутовскими бубенчиками, блестя брилліантовыми ошейниками; веселая музыка заглушаетъ хрипъ, стоны, мольбы, молитвы искалѣченныхъ. Ароматъ южныхъ цвѣтовъ, — смрадъ тысячъ труповъ. Сіяніе безчисленныхъ электрическихъ солнцъ далеко гонитъ тьму, поднявшуюся изъ черныхъ безднъ народнаго горя.

Гекатомба 18-го Мая, по числу жертвъ, — цѣлая Плевна, она, въ своемъ родѣ, Седанъ коронаціи. На августѣйшую семейку и на всѣхъ ликовавшихъ, въ страшные дни, она набросила исполинскій саванъ.

Гибель двухъ тысячъ человѣкъ на свадьбѣ Людовика XVI возбудила въ народѣ зловѣщія предсказанія, когда царственныя головенки скатились въ мѣшокъ съ отрубями, народъ, навѣрное, вспомнилъ 2000 труповъ.

Почти пять тысячъ труповъ! Это огневою рукою начертанныя: Мани, текелъ, Фаресъ. Не кончится ли архинелѣпѣйшее царствованіе, какъ сама коронація??

Законы исторической Немезиды неумолимы. Возмездіе принимаетъ самыя причудливыя формы, разитъ оно порою скрытно, медленно; порой грозно, быстро, но разитъ неизбѣжно, оно фатально вытекаетъ изъ самихъ поступковъ. Со-

словія и единицы платили, платятъ и будутъ платить за свое роковое непониманіе, за злыя ошибки.

„Злое дѣло вѣчно съ собою духа мстителя несетъ“.

Кто знаетъ, нынѣче тысячи труповъ, освѣщенныхъ призрачнымъ свѣтомъ, внизу; а завтра, быть можетъ, тысячи труповъ, озаренныхъ солнцемъ свободы, вверху.

Кто знаетъ, можетъ быть, тысячи труповъ, наконецъ, переполнятъ чашу великихъ скорбей, невыносимыхъ униженій, которую пьетъ вся Россія сотни лѣтъ, безъ передышки, подъ свинцовою пятою самодержавнаго идола, безсильнаго на добро, всесильнаго на зло.

Читая отчеты о коронаціи пещернаго медвѣдя Ш-яго, мы думали, что горячечный бредъ истощился, и издѣванія надъ злополучной страною идти далѣе не могутъ. Нынѣшняя кара націи ясно показала, что правительственнымъ преступленіямъ, грабежамъ нѣтъ предѣловъ. На рубежѣ XX вѣка, передъ нами проползъ средневѣковой, чудовищный кошмаръ; подъ золотомъ, брилліантами, роскошными одеждами мертвецы скрывали свое разложеніе.

Кроваво бездушенъ былъ, въ отношеніи великихъ праведниковъ, манифестъ Александра Ш, но и онъ покажется чуть не милостивымъ, въ сравненіи съ манифестомъ новаго бездушнаго негодяя.... Вникните на секунду: министру застѣнка — Муравьеву поручено облегчить участь политическихъ мучениковъ, если онъ найдетъ вполнѣ достойныхъ.... Ему, выдернувшему, на эшафотѣ, скамейку изъ подъ ногъ Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова, Рысакова, поручено выбирать достойныхъ!! Это все равно, что палачу, разжившемуся отъ продажи игрокамъ кусковъ веревокъ съ шеи казненныхъ, поручить помилованіе.

Мы, не вѣря глазамъ, прочли о балѣ во французскомъ посольствѣ. Становится невѣроятнымъ, что посланникъ демократической республики не заарканилъ очумѣвшаго азіата, не внушилъ ему, что балъ, во время ужаснаго народнаго бѣдствія, равнялъ его съ дагомейскимъ чудищемъ, льющимъ потоки крови въ дни своихъ дикихъ празднествъ. Президентъ Форъ, нашедшій столько лицемѣрныхъ, пошлыхъ фразъ для поздравленія азіата, не нашелъ ни одного задушевнаго слова, по поводу народнаго бѣдствія. Какъ быстро вымираютъ послѣдніе отметки французской аристократіи и вся буржуазія, какъ быстро каменѣетъ сердце. . . . Но, рядомъ съ варварскимъ поведеніемъ французскаго посланника, особенно рѣзко выступило гордое, полное гуманности поведеніе англійскаго посланника; какую звонкую пощечину

далъ онъ нашему дикарю отъ всего великобританскаго правительства и королевы Викторіи.

II

Не прошло четырнадцати лѣтъ послѣ собачьяго пиршества, какъ оно снова повторяется, въ еще болѣе гнусной, безпардонной, безобразной формѣ. Кучи дворцовыхъ, ненасытныхъ воровъ, предчувствуя близкій конецъ деспотіи, спѣшатъ разжиться на пропалую на самодержавномъ манекенѣ. Коронація — бѣшеная, азартная игра дворцовой биржи. Выдохшееся, омерзѣвшее всѣмъ до кровавой рвоты самодержавіе, силются взмылить вымученными изъ народа милліонами.

Полюбуйтесь на раздирающіе душу контрасты, на горячечное безуміе исторіи: черныя, дымныя, убогія лачуги, освѣщаемыя въ зимнія ночи лучинкою, и кремлевскія башни храмы, публичныя зданія, озаренные безчисленными электрическими солнцами, дворцы, залитые золотомъ, серебромъ; троны, балдахины, придворныя одежды, засыпанные бриллiантами...

Народъ — нищій, народъ — скиталецъ, вегетерьянецъ поневодѣ, давно потерявшій надежду ѣсть круглый годъ хлѣбъ, безъ лебеды, золы, листьевъ, и тысячи царскихъ столовъ, ломящихся подъ золотой посудою, тысячи колоссальныхъ блюдъ, наполненныхъ фантастическими яствами. Народъ, пьющій кислый квасъ въ будни, дурманъ въ праздники,—и драгоцѣнные дворцовые кубки, вѣчно наполненные ароматными, старыми винами.

Жалкія телѣженки, клячи съ веревочной, рваной сбруей и золотыя кареты, сотни дивныхъ коней, въ золотыхъ сбруяхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями. Благородные кони везли тварей, недостойныхъ служить имъ въ конюшняхъ, для чистки навоза, изъ подъ ихъ ногъ.

У народа не хватаетъ грошей на деготь, чтобы смазать деревянныя оси колесъ, сапоги — въ праздники, и рядомъ, на смазку одной ничтожнѣйшей, жестяной головы, на половину разбитой саблею японскаго полицейскаго, вышвырнуто шестьдесятъ милліоновъ рублей.

Опять сволочь пера, чающая движенiе воды, пускаетъ въ сотый разъ свое рвотное клише, снова безстыжіе холуи завертѣли старую, разбитую шарманку, затянули о народномъ

энтузіазмѣ, безпредѣльныхъ чувствахъ, безконечной преданности, о таинственномъ союзѣ царя съ народомъ, подъ вліяніемъ помазка. Всѣ наши чудищи въ Успенскомъ соборѣ мазались, сливались, таинственно осѣнялись всякими благодатями, а по выходѣ изъ храма, какъ ни въ чемъ не бывало, принимались за старое: десятки милліоновъ летѣли въ прорву, лишь отягчая непомѣрные подати, ничего не измѣняя къ лучшему. Крѣпостное право все шире распускало свои цѣпкіе, ядовитые корни, изсушая и русскую землю, и русскую душу; свистѣли въ воздухѣ нагайки, палки, розги; шелъ по всей землѣ нескончаемый стонъ, росла тьма, царили осатанѣлый произволъ, ненасытный грабежъ, и не коронація, а севостопольскій разгромъ, крестьянскія возстанія по всей Россіи, горячій протестъ лучшихъ людей покончили съ частью невѣроятныхъ ужасовъ.

Снова въ Москвѣ рыскала день и ночь опричнина, переворачивая все верхъ дномъ, грабя, гдѣ можно, высылая, гдѣ вздумается. Снова колоссальныя арміи выстраивались въ десятки рядовъ по бокамъ шутовскаго шествія, и десятки тысячъ шпіоновъ, провокаторовъ, за ихъ спиною, не совсѣмъ удачно, разыгрывали обожающихъ, благонамѣренныхъ кроткихъ поселянъ.

Снова сословія, кляня въ душѣ новаго, заклейменнаго въ Успенскомъ соборѣ взяточника, поволокли ему подачки, въ видѣ блюдъ, иконъ, тарелокъ, складней.

Послѣ тысячъ труповъ, во время бала у педераста города Москвы, Сергѣя, переодѣтыхъ предателей заставили, на площади, пропѣть нѣсколько разъ: „Боже, царя храни“. Пѣніе указывало ясно, что Ходынская гекатомба пришлась народу по сердцу и онъ какъ бы взываетъ о позволеніи, еще разъ лечь костьми, во славу жестяной кружки, съ иниціалами самодержца и куска колбасы, изъ дохлой псины. Плачевный дисонансъ внесла маленькая, повидимому настоящая народная группа, вдругъ запѣвшая, рядомъ съ „Боже царя храни“ „Спаси, Господи, люди твоя“. Иронія вышла, по истинѣ, крамольная.

Впрочемъ, нынѣшняя коронація явила нѣчто новенькое, невинное, самобытное. Для сдерживанія энтузіазма, обожанія, безпредѣльныхъ чувствъ, величайшаго одушевленія, она пустила въ ходъ желѣзные канаты. Эти трогательныя, воздушныя, самодержавно православныя преграды, порой, врѣзывались въ пустые животы вѣрныхъ мужичковъ, напоминая о таинственномъ общеніи царя съ народомъ, объ осѣненьи царя небесною благодатью.

Властители другихъ странъ, благодаря намордннку конституціи, не смѣютъ на публичныя безобразія истратить десятокъ тысячъ франковъ, нашъ азіатъ, на собачій пиръ, выбрасываетъ десятки милліоновъ и при этомъ манифестами извѣщаетъ въ конецъ ограбленную страну, что онъ ее чрезмѣрно, неслыханно осчастливливаетъ.

Но рядомъ съ самодержавіемъ отличилось офиціальное, казенное православіе, оно плеснуло на насъ душевною грязью, рабской, подлой угодливостью. Старый онанистъ кіевскій митрополитъ, желая защѣпить на пустую грудь лишнюю, хотя и земную, но все же блестящую, звѣздочку, вклеилъ въ свою благоутробно неблагопотребную рѣчь слѣдующій пассажъ противъ революціонеровъ:

„Мечты и замыслы горсти несчастныхъ, основать благо
„и счастіе народа на иныхъ самопзмысленныхъ началахъ,
„не встрѣчаютъ сочувствія себѣ, несмотря ни на какія
„ихъ ухищренія. Православный русскій народъ смотритъ
„на нихъ, какъ на измѣнниковъ своему отечеству".

Видимо, подъ бѣлымъ клобукомъ копошились черныя мысли, а брилліантовый крестъ на клобукѣ давно заслонилъ настоящій крестъ на Голгоѳѣ. Вмѣсто защиты замучиваемыхъ праведниковъ, призыва къ человѣчности, состраданію, изъ поганыхъ устъ вырвались одни наускиванья, преклоненья передъ Новохудоносорщиной, вилянье передъ Побѣдоносцевщиной. Желчь подымается при мысли, что наши пустосвяты, вопящіе противъ суеты мірской, смѣютъ совать носъ въ политику, они забываютъ, что изъ мyроточиваго носа выходить имъ отнюдь не слѣдуетъ.

Когда сваливали на телѣги лишившихся чувствъ, вмѣстѣ съ умершими, чтобы поскорѣе сбросить въ одну общую яму, поклонники бога бѣдныхъ, угнетенныхъ, униженныхъ, обремененныхъ, боясь запачкать лазурныя рясы, бѣлые клобуки, послали на поле смерти бѣдныхъ, захудалыхъ попишекъ. Какъ яро раболѣпствовали они передъ плюгавенькимъ деспотомъ и какъ холодно отвернулись отъ его жертвъ, изъ народа; прояви они человѣческое чувство, ими остался бы недоволенъ компаньонъ по ночнымъ занятіямъ Побѣдоносцевъ и имъ пришлось бы только любоваться паденіемъ звѣздъ на чужія груди.

Иванъ Кудесникъ испресмыкавшійся въ послѣднее время передъ властями придержащими, описавшій боголѣпнымъ слогомъ смерть гатчинскаго людоѣда, думая поднять совсѣмъ упавшую популярность, отправился служить панихиды на Ходынское поле. Но колоссально нелѣпыя рѣчи подгади-

ли панихиды: оказывается, что кудесникъ принимаетъ душу за бивштексъ, онъ грозитъ, что ее дьяволъ будетъ поджаривать на рѣшеткѣ. Впрочемъ, разница съ бивштексомъ та, что бивштексъ поджарившись, начинаетъ подгорать, а душа никапельки не подгорая, оставаясь розовой, можетъ жариться, во славу милосерднаго Творца, вѣчно.

III

Цѣлая гора обезображенныхъ труповъ не охладила конюшеннаго экстаза въ Прокофьевѣ и Лялинѣ, макая перья въ дворцовыя плевальницы, они продолжали воспѣвать величайшее народное одушевленіе, исконную преданность, полное сліяніе народа съ царемъ, и вдругъ грянулъ громъ,—конечно не изъ тучи. Въ томъ же „Новомъ Времени“ Суворинъ выступилъ съ письмомъ, полнымъ неожиданныхъ откровеній.

Не забывайте, что ихъ высказалъ Суворинъ, писака вполнѣ преданный, по временамъ даже обожающій, оптимистъ въ сторону дворцовъ. Выпишемъ самыя пикантныя:

„Надо было послушать, что говорилось въ толпѣ, надо „было присмотрѣться къ ея настроенію“.

Воля ваша, тутъ пахнетъ крамолою! Невольно видятся камни, вырванные изъ мостовой, топоры, ножи, веревки прицѣпленныя къ фонарямъ, слышутся глухой звукъ тѣлъ, падающихъ съ колоколенъ на камни и крикъ свирѣпо ликующій: „любо! любо!“

„Московская толпа, что-то старое, временъ Алексѣя „Михайловича“.

Мы понимаемъ, что хочетъ сказать Суворинъ, стѣсняемый разнообразными цензурами. То была толпа, властная, грозная, не вполнѣ забывшая народное вѣче, она не разъ останавливала зазнавшагося, забывшаго земскій соборъ, царя, грозила ему смертью.

„Толпа съ лоскомъ питейныхъ домовъ и сомнительнаго чтенія“.

Что значитъ сомнительное чтеніе? Брошюрки Исаакіевскаго собора, богоугодныя житіи разныхъ святыхъ, благолѣпныя описанія преподобныхъ монастырей и прочая третьеотдѣленская литература въ глазахъ Суворина, конечно, стоятъ внѣ сомнѣнія; видимо, проскользнуло нѣчто другое, инквизиторски преслѣдуемое, вполнѣ ясное для народа, обольстительное своимъ мощнымъ, революціоннымъ протестомъ, святою правдою.

„Толпа, съ растущей завистью къ состоятельнымъ классамъ".

Куда же сгинули неописуемые народные восторги коронаціей? Во что превратились всѣ корреспонденціи лизуновъ? Коронація представляла не состоятельность, но роскошь уродливую, неистовую, страшную своимъ безграничнымъ презрѣніемъ къ задавленному податями, обнищалому народу. Если растетъ зависть къ состоятельнымъ классамъ, то какое же бѣшенство должно было подняться въ душѣ народа-нищаго, при видѣ царскихъ, сказочныхъ дворцовъ и апогеи роскоши выразившейся въ коронаціи?

„Надо воспитывать толпу распространеніемъ здравыхъ понятій и дисциплины".

Мы знаемъ, что подразумѣваетъ Суворинъ подъ здравыми понятіями. Они фигурируютъ въ брошюркахъ Богдановича, корреспонденціяхъ Прокофьева съ братіей, въ казенныхъ телеграммахъ изъ всѣхъ городовъ, сословныхъ адресахъ. Разъ нужно сѣять здравыя понятія, водворять дисциплину, то ясно, что они отсутствуютъ. Но тогда, куда же провалились „священныя основы" и „истинно національныя традиціи"?

„Вы сообразите только, что въ одну ночь можетъ набраться въ городъ 800 тысячная толпа, а въ такой толпѣ всегда найдется элементъ буйный, тѣмъ опаснѣе для нея самой и другихъ, оставившихъ ее одну".

Если толпа пылаетъ беззавѣтнымъ обожаніемъ, лежитъ, вполнѣ довольная въ стопахъ, то какимъ образомъ ею могутъ руководить буйные элементы? Ей слѣдуетъ только кротко затянуть: „боже, царя храни", и ошеломленные, буйные элементы тотчасъ же растаятъ, какъ „воскъ отъ лица огня"; блюстителямъ безпорядка придется только констатировать, на гербовой бумагѣ, отрадное явленіе.

Мы давно соображаемъ и съ каждымъ днемъ все болѣе укрѣпляемся въ мысли, что не за Воробьиными горами день, когда неожиданно соберутся милліоны народа, и не въ одну Москву, и буйные элементы, ставъ во главѣ, поведутъ его на ненасытныхъ грабителей, лютыхъ палачей Россіи...

Мы давно соображаемъ, что наши арміи почуявъ дружное возстаніе, какъ это было вездѣ, во всѣ времена, тотчасъ же перейдутъ на сторону своихъ настоящихъ братій; они изъ народа, и, конечно, въ славные дни, станутъ на сторонѣ народа.

Только одно идіотское, слѣпорожденное, вполнѣ оторванное отъ націи, русское правительство могло не понимать, что революціонное движеніе длящееся полстолѣтіе, явившее

чудеса героизма, любви, самоотверженія, было ослѣпительнымъ предвѣстникомъ тихаго, но страшнаго пробужденія всей Россіи, близящейся народной революціи. Началось движеніе съ офицеровъ, аристократовъ; возмужавъ, окрѣпнувъ, оно перешло на разночинцевъ, а въ послѣдніе года, ускоряемое чудовищнымъ ретроградствомъ правительства, охватило наконецъ всю націю.

Непрерывающіяся волненія рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ, знаменательный по своему политическому характеру бунтъ рабочихъ въ дни коронаціи, въ Петербургѣ, наглядно показали, что воспитывающіе націю великіе террористическіе удары и устная, и книжная пропаганды революціонныхъ идей не прошли даромъ. Сѣмена, брошенныя съ подмостковъ Голгоѳы, 3 Апрѣля, 81 года, орошенныя кровью тысячъ невинныхъ жертвъ, наконецъ, взошли...

Петербургскіе рабочіе, протестуя противъ кровавыхъ безумій коронаціи, разбивали камнями бюсты августѣйшей парочки, выставленные въ парадныхъ мѣстахъ. Но кто знаетъ, можетъ быть, въ одинъ дивный день, они камнями разобьютъ пустыя головы настоящихъ августѣше пустѣйшихъ особъ...

Знаменія идутъ со всѣхъ сторонъ. Мрачная глупость русскаго правительства, повидимому, дошедшая до послѣднихъ предѣловъ, все увеличивается, куриная слѣпота растетъ, провокированія націи становятся наглѣе и наглѣе.

Всѣ правительства, во всѣ времена, наканунѣ гибели, вели себя точно также. Разумъ, неявлявшійся во все время правленія, явиться разомъ, подъ конецъ, конечно не можетъ.

Иди, иди смазанный въ Успенскомъ соборѣ, нелѣпый, слѣпой щенокъ, куда толкаетъ тебя неумолимая, историческая Немезида! Тебя пожалѣютъ одни убійцы, воры, шпіоны, такъ какъ съ тобою исчезнетъ ихъ благоденствіе, чины, жалованья, возиагражденія...

Мы рады, что готовившіеся къ коронаціи удары были отложены: преврати бомба слизлаго самодержца въ слизлую слякоть до манифеста, снова пошли бы подлыя холуйскія сказки о всевозможныхъ амнистіяхъ, дарованіяхъ, увѣнчаніяхъ.... Теперь вся Россія, навѣрное, пойметъ, что внѣ террора, внѣ революціи нѣтъ спасенія. Кара націи расчистила террору громадный путь, далеко отбросила всѣ препятствія. Ждать чего нибудь путнаго отъ сынка пустопорожней Маріи Ѳедоровны и духовнаго чада онана Бѣдоносцева, становится съ настоящей минуты тяжкимъ, государственнымъ преступленіемъ.

Восторжествуй борьба на несуществующей легальной поч-

вѣ, и цѣлое поколѣніе будетъ снова изжарено въ собственномъ соку.

IV

Свободныя, уважающія себя газеты, конечно, не послали своихъ корреспондентовъ въ Москву, зная, что горькая правда будетъ немедленно задержана дворцовой дворней, онѣ догадывались, что она будетъ сама себѣ строчить необузданныя хвалы, а затѣмъ, раздавать всячески умасляемымъ писакамъ только для усилинья радужныхъ красокъи усовершенствованія реторики.

Наѣхали въ Москву корреспонденты, за малымъ исключеніемъ, покладистые, способные краснѣть только отъ вина, считающіе человѣческое достоинство нелѣпымъ предразсудкомъ, принципы—ничѣмъ, деньги, даже въ формѣ русскихъ бумажекъ, — всѣмъ. Нѣкоторые изъ нихъ видали виды при имперіяхъ. Изощренное клише у каждаго было въ карманѣ. Корреспондентъ органа крупныхъ кокотокъ и всевозможнѣйшихъ и невозможнѣйшихъ высочайшихъ особъ, фигурировалъ на первомъ планѣ.

Можете судить о политическомъ развитіи дворцовыхъ сферъ, если они могли расчитывать на какое нибудь значеніе корреспонденцій, прошедшихъ черезъ ихъ руки...

Но нужно отмѣтить, что корреспонденты европейскихъ газетъ не вполнѣ походятъ на нашихъ Прокофьевыхъ, Аргусовъ, Странниковъ и проч. Такихъ отпѣтыхъ лизуновъ, блудодѣевъ слова тамъ не принимаютъ даже въ police de mœurs.

Европейскій корреспондентъ черпая грязь полными охапками, купаясь въ ней, въ концѣ концовъ, опоминается, начинаетъ сознавать перехолопиваніе. Въ минуту духовнаго проясненія, онъ, съ отвращеніемъ, перечитываетъ холуйскій бредъ, вернувшись, онъ силится оправдаться, онъ знаетъ, что собратья по перу не дремлятъ, не забываютъ крупныхъ пакостей и, при первомъ столкновеніи, волокутъ виновнаго къ позорному столбу. Заполучивъ обѣщанное, выждавъ нужное время, онъ, потихоньку, съ увиливаніями, ужимками, замарачиваніями начинаетъ сознаваться, что окружаемый приторными заискиваніями, весь день закармливаемый, запаиваемый, онъ не могъ сказать правды; скажи онъ ее, все равно дворцовая лакейская не пропустила бы. Въ результатѣ,

съ безчисленными оговорками, скромно, застѣнчиво, все таки выплываетъ истина.

Почти всѣ корреспонденты, точно сговорившись, заявили, что коронація представляла собою нѣчто странное, дикое, азіатское, ветхозавѣтное. . . . Ослѣпляющая, варварская роскошь, въ виду всеобщей бѣдности, язвила душу, колола глаза. Они рѣзко оттѣнили отсутствіе въ странѣ школъ, библіотекъ, благотворительныхъ учрежденій и ужаснѣйшее состояніе финансовъ.

Они описали очень образно неслыханное бѣдствіе на Ходынскомъ полѣ, не скрыли, что народъ, полный гнѣва, хотѣлъ разнести дворцы, избить казаковъ, полицейскихъ; зло описали появленіе дамочекъ изъ дворцовыхъ сферъ на мѣсто гекатомбы, обнаженныхъ до пупа, въ пестрыхъ, безъ вкуса, роскошныхъ платьяхъ, ихъ окружали кавалеры въ лентахъ, звѣздахъ; многіе были на веселѣ. Разглядывая трупы, съ выдавленными внутренностями, самцы и самки отпускали скабрезные каламбуры, затыкали съ презрительными усмѣшками носы. Увы, предсмертный потъ ихъ кормильцевъ не благоухалъ южными розами...

Манифестъ поразилъ ихъ всѣхъ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ русскому обществу: ни одно изъ его насущныхъ, законныхъ требованій не было исполнено, даже ничего не обѣщано; амнистія даже не коснулась безчисленныхъ политическихъ жертвъ. Эта тупая, жестокая мстительность, по ихъ мнѣнію, поразила до дна души добрую сострадательную націю.

Всѣ въ одинъ голосъ спрашиваютъ: какой злой геній (читай, какой злой идіотъ) руководилъ слишкомъ молодымъ, безвольнымъ, крайне ограниченнымъ монархомъ? Кто толкалъ его на страшный, гибельный для него путь?

Къ сожалѣнію, нѣкоторые забыли указать на виновницу, на сквозную дыру, страшную своею бездонностью, невмѣняемостью, пустотою, нечувствительностью, на мать Марью Оедоровну и на скользкую, холодную, ядовитую, сознательно жалующую гадину—Побѣдоносцева.

Нужно ли прибавлять, что они вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе всей Европы: смотрятъ на наше пещерное самодержавіе, какъ на режимъ, достойный темныхъ рабовъ и самодовольныхъ дикарей.

Іюль 1896 г.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ